This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 5369.1

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

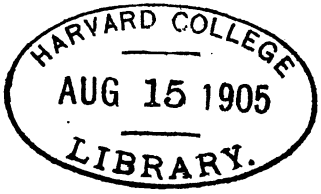
Проф. К. Ярошъ.

24678

РУССКО-ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1898.

Slav 5369.1



Norton Fund

Дозволено цензурою. Москва, 17 Ноября 1897 года.

I.

Величественное зрѣлище представляетъ собою прогрессъ человѣчества. Въ этомъ неустанномъ движеніи впередъ соединяется трудъ безчисленныхъ смѣняющихся поколѣній, соединяются усилія милліоновъ людей, усилія сознательныя и безсознательныя, титанически могучія и ребячески слабыя. Но, быть можетъ, этотъ прогрессъ есть въ сущности простое механическое движеніе по опредѣленной линіи, какъ движеніе планеты? Быть можетъ, самопроизвольность людей въ ихъ стремленіи впередъ столь же призрачна, какъ и самопроизвольность летящей стрѣлы. Мы видимъ, что стрѣла летитъ, какъ будто «сама», къ извѣстной цѣли, въ извѣстномъ направленіи, съ извѣстной скоростью, но мы знаемъ, что цѣль, направленіе и скорость сообщены ей волею и рукою стрѣлка.

Такіе вопросы издавна были предметомъ человѣческой любознательности. Издавна философія и наука пытались раскрыть тайны этой предполагаемой механики, выяснить сокровенные планы природы-руководительницы, узнать цѣли стрѣлка. Однакоже всѣ попытки приводили только къ убѣжденію, что означенная задача превышаетъ силы испытующаго, разсуждающаго и познающаго ума. Вмѣсто раскрытія тайнъ, получались только субъективныя предположенія и гаданія о нихъ. Относительно движенія человѣчества, мы можемъ изучать и обсуждать, съ большей или меньшей основательностью, лишь прошедшее и настоящее. Но будущее не лежитъ предъ человѣчествомъ опредѣленной дорогой, какъ очерченная разъ на всегда и удобная для астрономическаго

вычисленія кривая линія движенія звѣзды. Наше будущее не есть приготовленная кѣмъ-то обѣтованная земля, куда намъ остается идти, не посылая даже впередъ соглядатаевъ. Будущее человѣчества создается самими людьми. Каждый нашъ дальнѣйшій шагъ есть осуществленіе нашихъ собственныхъ стремленій, желаній, умѣній, идеаловъ. Всѣ люди участвуютъ въ созиданіи будущаго, всѣ они стремятся впередъ, но передъ ними движется не огненный столбъ, указывавшій нѣкогда путь евреямъ, а лучезарный идеалъ—плодъ ихъ собственнаго ума и сердца. Этотъ идеалъ желательнаго лучшаго бросаетъ на настоящее свой отраженный свѣтъ, при которомъ мы разбираемся въ своихъ текущихъ отношеніяхъ, производимъ оцѣнку нравственныхъ цѣнностей и подвигаемся дальше.

Въ этомъ великомъ походѣ люди движутся болѣе или менѣе организованными отрядами, идутъ болѣе или менѣе многочисленными группами, объединенными узами родства племеннаго или національнаго. Племенное родство составляетъ для группы естественное зерно общности, естественное условіе сходства въ направленіи мышленія и чувствованія, сходства въ складѣ желаній, симпатій, вкусовъ и идеальныхъ представленій. И вотъ, опираясь на такую естественную связь, отряды человѣчества поднимаются, восходятъ на крутую и трудную гору совершенствованія, выбираютъ себѣ дорогу и преодолѣваютъ по мѣрѣ силъ препятствія. Со стороны этихъ отрядовъ было бы вполнѣ неразумно предаваться тщеславнымъ спорамъ о томъ, чей путь есть наилучшій. Каждая группа, не впадая ни въ горделивое самомнѣніе, ни въ унизительное самоотрицаніе, должна добросовѣстно дѣлать свое дѣло и обращать дорогой, завѣтный образъ желательнаго въ факты существующаго. Послѣдній же судъ надъ совокупнымъ трудомъ народовъ принадлежитъ Тому, Кто дѣйствительно знаетъ всѣ «первичныя начала и конечныя цѣли» и Кто сказалъ о себѣ: «Азъ судія и Азъ воздамъ».

Всякое важное дѣло налагаетъ соотвѣтственно важныя обязанности и отвѣтственность на участниковъ этого дѣла. Жизнь и развитіе племени требуетъ отъ соплеменниковъ солидарности въ общемъ трудѣ, и нѣтъ ничего прискорбнѣе розни въ родственномъ союзѣ. А между тѣмъ, такая именно рознь выпала на долю славянства, котораго двѣ крупнѣйшія отрасли — русскіе и поляки—не выработали понынѣ прочнаго уклада дружнаго сотрудничества подъ священнымъ знаменемъ племеннаго прогресса. Столь грустный фактъ, естественно, останавливалъ на себѣ вниманіе мыслящихъ русскихъ людей, которые съ давнихъ поръ старались обсудить вопросъ, вдуматься во всю глубину и ширь его, отыскать руководящія точки зрѣнія пытливымъ изученіемъ историческаго прошлаго. Все это представляло собою сложное дѣло и не легкій трудъ.

Общая картина исторіи Польши производитъ на зрителя сильное впечатлѣніе своимъ замѣчательнымъ оживленіемъ и обиліемъ пестрыхъ красокъ. На протяженіи вѣковъ, путь народной жизни идетъ здѣсь рѣзкими зигзагами, то поднимаясь на вершины яркой славы, то ниспадая въ темныя низины бѣдствій. Горделивые крики побѣды здѣсь смѣняются не менѣе громкими взаимными перекорами, которые, въ свою очередь, покрываются хоромъ безконечныхъ праздничныхъ виватовъ. Въ несмолкаемомъ шумѣ этой исторіи слышится стукъ сабельныхъ ударовъ, звонъ неоскудѣвающихъ пиршественныхъ кубковъ, торжественные звуки церковнаго органа, бойкая острота находчивой фразы, взрывы веселаго смѣха и гнѣвныя вспышки горячей ссоры. Все это составляло своеобразный міръ, замѣтно отличавшійся отъ славянскаго сѣверо-востока. Тамъ вѣялъ духъ монотоннаго молчаливаго спокойствія, чуждый всякой суеты и поспѣшности, тамъ слышалось мѣрное могучее дыханіе крупнаго организма, которому судьбою обѣщаны тысячелѣтія,— здѣсь же все кипѣло ключомъ, національное кровообра-

щеніе пульсировало въ лихорадочномъ темпѣ, и историческія эпохи мелкали въ быстрой смѣнѣ калейдоскопическихъ явленій...

Если всмотрѣться пристально въ пестроту фактовъ, изъ которыхъ слагается жизнь отдѣльнаго человѣка или народа, то передъ нами, изъ-за тысячи крупныхъ и мелкихъ чертъ, изъ-за тысячи крупныхъ и мелкихъ дѣяній, выдвигается фигура дѣятеля съ его характеристическими свойствами. Это вполнѣ понятно, потому что біографія и исторія суть не что иное, какъ объективированіе сущности человѣка и народа. Вглядываясь въ пестроту явленій польской исторіи, мы также можемъ замѣтить отличительныя свойства дѣятеля этой исторіи, его особенности въ сферѣ чувства, ума и воли.

Всѣмъ извѣстна горячность польскаго темперамента, придающая струнамъ души высокій, напряженный строй. Въ силу этой напряженности всѣ чувства получаютъ чуткую отзывчивость на внѣшнія воздѣйствія. Радость и горе, любовь и ненависть звучатъ здѣсь полнымъ звукомъ, переходя нерѣдко даже въ аффектированный тонъ; чувство чести, французскій point d'honneur, становится здѣсь «гоноромъ» и щетинится иглами кичливости, самохвальства, надменности и забіячества. Легкая возбудимость и экспансивность польскаго характера освѣщаетъ многія историческія сцены искусственнымъ, «бенгальскимъ» свѣтомъ. Стоитъ вспомнить, напр., описанное современникомъ (Охотскимъ) прозозглашеніе конституціи 3-го мая: король плакалъ, желая счастья народу, народъ заливался слезами, крича виваты королю, толпа выражала неистовый восторгъ, провожая сеймоваго маршала; она бѣжала за нимъ, отчаянно добиваясь чести хотя коснуться его кареты, подобно индійцамъ, добивающимся счастья коснуться колесницы ихъ божества... Эмоціональность поляковъ сообщаетъ замѣчательную страстность ихъ надеждамъ и опасеніямъ. Открывшаяся пріятная перспектива, мерцающая вдали отрадная приманка совер-

шенно захватываетъ ихъ и неудержимо увлекаетъ впередъ.

Трудно исчислить сумму жертвъ, принесенныхъ ими, напр., въ виду двусмысленныхъ обѣщаній Наполеона I: изъ-за нѣсколькихъ политическихъ мадригаловъ французскаго императора (по выраженію кн. Вяземскаго), поляки бросались за него въ огонь и въ воду. Но столь же велика страстность поляковъ и въ ихъ опасеніяхъ: лишь только въ душѣ ихъ водворилось недовѣріе, тотчасъ же начинается преувеличенная тревога, лихорадочное безпокойство по самымъ ничтожнымъ причинамъ, вѣчная подозрительность ко всѣмъ и ко всему; они видятъ повсюду интриги, козни, шпіоновъ, измѣнниковъ и начинаютъ сами подводить контръ-мины. Сильная воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ сообщаетъ полякамъ легкость перехода отъ чувства къ чувству, отъ сабельнаго удара къ дружескому поцѣлую, отъ геройскаго подвига къ излишеству въ утѣхахъ жизни.

Это свойство давало многимъ моралистамъ поводъ уличать поляковъ въ легкомыслiи, но этимъ же самымъ свойствомъ придается польской жизни и исторіи окраска добродушія. Невольно вспоминается трогательная сцена въ поэмѣ «Тадеушъ», гдѣ разгоряченная шляхта ссорилась, кричала и гнѣвно потрясала оружіемъ, пока присутствовавшій бернардинъ не поднесъ каждому свою табакерку; тогда всѣ начали нюхать, чихали, желали другъ другу здоровья и позабыли споръ. Однакоже, такая неустойчивость чувства обращается въ страстную стойкость, если причины, вызвавшія впечатлѣніе, не перестаютъ его подновлять. Тогда любовь разгорается до пламеннаго обожанія, а ненависть обращается въ неумолимую и неустанную злобу, готовую дѣйствовать всѣми средствами и преслѣдовать врага до могилы. Тутъ польская душа обнаруживаетъ равную способность касаться и рая, и ада.

Живость чувствъ, о которой мы говоримъ, естественно обусловливаетъ собою высокій подъемъ вообра-

женія, дающаго богатую почву для всякаго рода цвѣтовъ искусства; и эта способность поляковъ къ искусствамъ не подлежитъ сомнѣнію, ибо доказана такими дѣятелями, какъ Шопенъ, Семирадскій, Сенкевичъ и много другихъ. Но та же живость чувствъ и то же воображеніе вносятъ въ прозаическія жизненныя отношенія нежелательный колоритъ фантазерства и легкаго уклоненія отъ истины. Едва-ли гдѣ-нибудь это «уклоненіе отъ истины» совершается съ такою любовью къ дѣлу и съ такою виртуозностью. Извѣстное историческое лицо, Радзивиллъ Пане-Коханку, серьезно разсказывалъ, что ему удавалось взлѣзать по веревкѣ на небо или вскакивать на крѣпостной валъ на лошади, половина которой была оторвана ядромъ; разсказчикъ ссылался при этомъ на своихъ сподвижниковъ, одинъ изъ которыхъ, однажды, отвѣтилъ ему: «Очень можетъ быть, но я этого не видѣлъ, потому что я былъ тогда уже убитъ...» Подводя итогъ сказанному о свойствахъ темперамента поляковъ, о живости ихъ чувствъ, мы должны придти къ заключенію, что духовная природа славянина разсматриваемой отрасли одарена талантливостью, сердечною глубиной, сложнымъ и богатымъ душевнымъ строемъ, способнымъ чутко отзываться и на громкій кличъ, и на самый тихій зовъ добра и красоты.

Костомаровъ утверждалъ, что у поляковъ «сердечность (или чувство) господствуетъ надъ разумомъ». Но это замѣчаніе не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто польская нація обнаруживаетъ слабость въ умственномъ отношеніи. Напротивъ, вся исторія Польши доказываетъ, что эта страна всегда отличалась и любовью, и способностью къ умственному просвѣщенію. Уже въ XI и XII столѣтіяхъ мы застаемъ въ Польшѣ много училищъ. Въ XIV вѣкѣ открытъ университетъ въ Краковѣ, въ XVI в.—академія въ Вильнѣ. Въ XV столѣтіи по всей странѣ разсыпаны были высшія и низшія школы, въ которыхъ учились всѣ сословія: шляхта, мѣщане и кме-

ты. Даже въ эпоху окончательнаго упадка страны въ ней не пропадало рвеніе къ просвѣщенію. Школы, попрежнему, были полны учениковъ, и если полный курсъ (по свидѣтельству «Записокъ» Михаловскаго) оканчивало не болѣе 5%, то большинство доходило до піитики и грамматики и, слѣдовательно, имѣло элементарное образованіе. Уже во время агоніи раздѣловъ, эдукаціонная коммиссія старалась внести улучшенія въ дѣло народнаго просвѣщенія, реформировала университеты, вводила новыя программы, возстановляла преподаваніе юридическихъ, естественныхъ и философскихъ наукъ, устраивала клиники, ботаническіе сады, обсерваторіи, въ значительныхъ городахъ — среднія училища, учительскія семинаріи, женскія и еврейскія школы, наконецъ, повсюду народно-приходскія школы. «Люди образованные,— говоритъ Михаловскій,—были у насъ обыкновенны, ученые—рѣдки». Но и спеціальныя занятія наукой выдвигали въ каждое столѣтіе нѣсколько почтенныхъ дѣятелей, уже не говоря о такомъ всемірномъ свѣтилѣ, какимъ былъ Коперникъ. Пониманіе важности просвѣщенія вызывало многихъ частныхъ лицъ на крупныя жертвы. Извѣстный Замойскій основалъ на собственный счетъ въ Замостьѣ юридическую и медицинскую академіи. Залусскій, Кіевскій епископъ, устраивалъ библіотеку съ необыкновеннымъ рвеніемъ, съ затратой огромныхъ средствъ, ради чего до крайности урѣзывалъ свои личные расходы, отказывалъ себѣ даже въ ужинѣ, довольствуясь ломтемъ хлѣба съ сыромъ. Нынѣшній Варшавскій университетъ имѣетъ своей родоначальницей юридическую школу, которая была вначалѣ частнымъ учрежденіемъ графа Лубенскаго, министра юстиціи Варшавскаго герцогства. Этихъ фактовъ и соображеній достаточно, чтобы убѣдиться въ не меньшемъ умственномъ богатствѣ польской природы, чѣмъ богатство ея чувствъ. Но что мы скажемъ, разсматривая эту природу съ третьей точки зрѣнія,—со стороны воли?

Мы понимаемъ подъ словомъ воля не страстное упорство и не нервное упрямство въ какомъ-нибудь случайномъ направленіи, а силу характера, умѣнье здраво ставить практическія задачи, цѣлесообразно выбирать средства и твердо идти къ осуществленію цѣли, не сгибаясь подъ напоромъ ни внутреннихъ страстей, ни внѣшнихъ соблазновъ и препятствій. Такой воли, такой силы характера мы тщетно искали бы въ польскомъ духѣ. Объ этомъ отсутствіи воли думалъ И. С. Аксаковъ, говоря: «Польское племя—безспорно одно изъ самыхъ талантливыхъ славянскихъ племенъ, но племя женственное». На это свойство прямо указываетъ Тьеръ: «les polonais, si serieux dans leurs sentiments, si légers dans leur conduite». Слабость характера составляетъ постоянную тему сѣтованій самихъ поляковъ. Писатель XVI в., Тарновскій, говоритъ: «Чего полякъ сначала не сдѣлаетъ съ шумомъ, того потомъ дѣлать никогда не станетъ». Мемуаристъ XVIII в. (Михаловскій) замѣчаетъ: «У насъ все хорошо начиналось и скверно кончалось». Маркизъ Велепольскій, наканунѣ мятежа 1863 года, съ отчаяніемъ воскликалъ: «Въ пользу поляковъ можно иногда что-нибудь сдѣлать, но съ поляками вмѣстѣ—никогда»! На ту же тему высказалъ много жалобъ и Мицкевичъ устами старика Мацея.

II.

Пониманіе указаннаго свойства польской природы даетъ намъ прекрасный ключъ къ пониманію особенностей польской исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, замѣчая подъ блестящей оболочкой историческихъ эпохъ какой-то постоянный органическій порокъ, слыша въ шумѣ и громѣ событій какой-то вѣчный диссонансъ, мы не удивляемся болѣе: мы соображаемъ, что слабость національнаго характера здѣсь обнаруживается въ слабости политической способности, въ слабости государственнаго домостроительства. Эта черта, дѣйствительно, приходитъ изъ вѣка

въ вѣкъ черезъ все тысячелѣтіе исторіи Польши. Политическая смута здѣсь встрѣчаетъ насъ у самаго порога. Уже въ XI столѣтіи, при первыхъ корольхъ, крестьяне враждуютъ съ помѣщиками, паны между собой, язычники съ христіанами; повсюду убійства и грабежъ; къ хаосу внутреннихъ отношеній сосѣди присоединяютъ внѣшнія насилія. Богатѣйшіе дворяне, воеводы, епископы все болѣе и болѣе выдвигаются впередъ и разносятъ на части политическую сущность страны. Они расхищаютъ государственную власть, обращая ее въ орудіе частныхъ интересовъ; они запасаются привилегіями, которыя освобождаютъ ихъ отъ гражданскихъ обязанностей и отъ подсудности законамъ отечества.

Въ Россіи здоровый духъ монархизма поставилъ предѣлы вельможеству, у насъ возрастала сила, умѣвшая отталкивать жадныя руки, простиравшіяся слишкомъ далеко, но Польша была беззащитна въ слабости своихъ политическихъ инстинктовъ.

Смѣна вѣковъ не приносила ей облегченія; напротивъ, ея политическая болѣзнь становилась хронической, и государственный хаосъ отвердѣвалъ. Съ XIV вѣка аристократическія права расширяются на всю шляхту. Лелевелю казалось это водвореніемъ республиканскихъ началъ, но на самомъ дѣлѣ это было лишь расширеніе территоріи своеволія и замѣна привилегій немногихъ лицъ привилегіями сословія. Шляхта, эта владычица страны, заботилась всѣми способами, чтобы государство какъ можно меньше напоминало о себѣ. Шляхтичи жили по своимъ дворамъ, эксплоатируя крестьянское населеніе какъ рабочій скотъ, постоянно ссорясь между собою и наполняя свое время или наѣздами одной околицы на другую, или гомерическими празднествами. Города были предоставлены нѣмцамъ и евреямъ, быстрое размноженіе которыхъ свидѣтельствовало о болѣзненномъ состояніи общественнаго организма. Когда же шляхта приступала къ исполненію своихъ политическихъ обязанностей, тогда

она окружала шумными толпами магнатовъ, которые рѣшали всѣ дѣла, соперничая другъ передъ другомъ спѣсью, роскошью и расточительностью. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ здѣсь иногда восполнялся изъ источниковъ, о которыхъ даетъ понятіе между прочимъ, одна старинная польская брошюра («Катехизисъ Рѣчи Посполитой»). «Въ Польшѣ,—разсказываетъ она,—кромѣ торговли земными продуктами, есть еще торговля политическая, одному только польскому народу свойственная. Она бываетъ заграничною и внутреннею. Торговля поляковъ съ сосѣдними землями состоитъ въ продажѣ имъ правительственныхъ намѣреній и государственныхъ тайнъ; этою торговлею занимаются только сенаторы и министры, мелкіе же шляхтичи являются здѣсь лишь какъ бы перекупщиками и мелочными торговцами. Внутреннюю торговлю поляковъ составляютъ: продажа правосудія, наемъ на сеймики, продажа почетныхъ званій и должностей».

Отъ времени до времени, нѣкоторымъ королямъ удавалось водворять въ государствѣ большую или меньшую степень благообразія. Болеславъ Храбрый, Кривоустый, Локетекъ, Станиславъ I, Стефанъ Баторій,—ихъ эпохи съ любовью вспоминаются историками, но это были только счастливыя минуты анархіи, потому что здѣсь нельзя видѣть какихъ-либо благопріятныхъ органическихъ поворотовъ въ ходѣ дѣлъ; здѣсь все обусловливалось личными свойствами короля, все держалось его талантами, его ловкостью, и, лишь только смерть уносила даровитую личность, какъ тотчасъ же исчезала и зыбкая внѣшность добраго порядка.

Восхваляя Станислава I, Лелевель говоритъ: «онъ обращался съ шляхтой, какъ отецъ съ дѣтьми». Въ этомъ именно подобіи гражданъ дѣтямъ заключалась коренная бѣда Польши. Нуженъ былъ поистинѣ ребяческій политическій смыслъ, чтобы выработать государственный строй, въ которомъ столько государствъ, сколько воеводствъ, въ каждомъ воеводствѣ свой сеймикъ, надъ ними общій

сеймъ, безъ исполнительнаго органа и подъ угрозой veto каждаго шляхтича; еще выше — король, ограниченный сенатомъ и обязанный о всякомъ малѣйшемъ дѣлѣ торговаться съ толпою сейма въ нѣсколько сотъ человѣкъ; дальше—высшіе чиновники, изъ которыхъ каждый могъ отказать государству въ повиновеніи. Сверхъ всего этого, всякая группа гражданъ, въ каждое данное время, могла составлять конфедерацію, т. е. поднимать явный бунтъ противъ существующаго въ государствѣ порядка, для самовольнаго достиженія какой-нибудь цѣли «отечественнаго блага». Въ виду неизбѣжной субъективности въ пониманіи «отечественнаго блага», право конфедерацій было ничѣмъ инымъ, какъ узаконеніемъ анархіи. Весьма естественно поэтому раздраженіе, съ какимъ пр. Бобржинскій пишетъ въ своихъ Очеркахъ исторіи Польши: «никто другой, какъ конфедераціи, окончательно сгубили Польшу»!

Чуткая душа и даровитый умъ польской націи тщетно бились въ сѣтяхъ конституціи, созданной національной слабостью характера и политическаго такта. Народная доблесть и мужество тратились на войны, никогда не приводившія къ солиднымъ результатамъ. Это не были римскіе походы, обдуманные, цѣлесообразные, неотразимые; это были скорѣе нервные пароксизмы, при которыхъ рыцари то совершали блестящіе подвиги, то расходились вдругъ по домамъ, ради собственныхъ дѣлъ: одному нужно было окончить начатый въ судѣ процессъ, другой спѣшилъ обнять жену и дѣтей. Много ли выгодъ получила Рѣчь Посполитая отъ своихъ знаменитыхъ побѣдъ надъ нѣмцами, отъ геройской защиты Вѣны противъ турокъ Яномъ Собѣсскимъ, отъ экспедиціи Вишневецкаго и Мнишка съ Самозванцемъ въ Москву, отъ длинной эпопеи казацкихъ войнъ, съ ихъ истерическими перипетіями кровавой рѣзни, сажанія плѣнныхъ на колъ, вырѣзанія ремней изъ спинъ атамановъ? Все пропадало даромъ для Польши, а иногда наносимые ею

удары отражались тяжкими ранами на ея собственномъ тѣлѣ. Рѣчь Посполитая не руководствовалась зрѣло обдуманными цѣлями, а расходовала силы на рискованныя предпріятія и фантастическія авантюры.

Въ эпоху королей изъ Саксонскаго дома Польша уже обнаруживала явные признаки разслабленія. Она становилась приманкой для чужихъ притязаній, она дѣйствительно уподоблялась (по выраженію Лелевеля) корчмѣ, куда врывался всякій проѣзжій, заводилъ шумъ и затѣмъ спокойно отправлялся дальше. Все это вполнѣ естественно, ибо міръ устроенъ такъ, что слабое уступаетъ мѣсто сильному, падающее изъ рукъ умирающаго подхватывается руками живыхъ. Но почему же Рѣчь Посполитая не искала средствъ возстановить утраченныя силы? Почему она такъ гнулась и ломалась подъ напоромъ обстоятельствъ? Моменты слабости случались и у другихъ народовъ. Въ началѣ XVII в. и Россія переживала тяжкіе годы «смутнаго времени»; но русскіе города и области, устрашенные смутой, напрягли свои усилія, соединились узами «любви и единомыслія», и, въ концѣ концовъ, изъ Нижняго поднялось народное ополченіе, которое двинулось торжественнымъ маршемъ крестнаго хода, чтобы снова воздвигнуть въ сожженной Москвѣ общегосударственное знамя. Два вѣка спустя, Россію опять посѣтило горе, ее наводнило вражеское нашествіе,—и снова напряженіе всѣхъ народныхъ силъ отбросило бѣду. Но для этого нужно было обладать крѣпкимъ, выносливымъ характеромъ и живымъ политическимъ смысломъ, въ чемъ судьба отказала блестящей, остроумной и образованной Польшѣ.

Скорбя надъ несчастіями отечества, г. Бобржинскій ставитъ ихъ въ вину малоспособнымъ королямъ. Все горе произошло потому, утверждаетъ онъ, что польскіе короли не были достаточно геніальны, не обладали должной степенью предпріимчивости и иниціативы. Въ своихъ обвиненіяхъ, г. Бобржинскій иногда впадаетъ въ

очевидную крайность: одного короля онъ осуждаетъ за безпокойный нравъ, другаго (Станислава II) за излишнее миролюбіе, усыпившее энергію шляхты, точно миромъ можно повредить странѣ.

Съ мнѣніями почтеннаго историка нельзя согласиться. Во-первыхъ, короли не падаютъ народамъ съ неба, а рождаются изъ народнаго лона, съ тѣми свойствами, для которыхъ существуетъ пища въ общественно-политической почвѣ страны. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что народы почти всегда заслуживаютъ своихъ королей. Во-вторыхъ, придавая огромное значеніе личнымъ качествамъ королей, г. Бобржинскій не вполнѣ вѣрно понимаетъ существо монархическаго государства и смѣшиваетъ его съ цезаристическимъ. Въ этомъ послѣднемъ государствѣ, дѣйствительно, отъ личности цезаря зависитъ все, потому что народъ тутъ служитъ лишь матеріаломъ, овеществляющимъ творческія идеи правителя; исторія страны здѣсь только сборникъ біографій слѣдующихъ другъ за другомъ цезарей. Но въ монархическомъ государствѣ положеніе вещей иное. Центральнымъ пунктомъ въ немъ является не индивидуальное лицо, даровитое или недаровитое, а лицо государственное. Монархъ стоитъ здѣсь выше всѣхъ, потому что онъ есть символъ общенароднаго политическаго единства и творчества. Политика монархіи не есть политика случайныхъ эпизодовъ. Исторія смѣняющихся наслѣдственно монарховъ — не рядъ предпріятій «выдающихся личносте»й, а исторія политической жизни народа. На сценѣ этой исторіи мы видимъ прежде всего одно дѣйствующее лицо—государство, какъ это прекрасно выразилъ С. Соловьевъ, говоря о собирателяхъ русской земли: «Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку отличительныя черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но неуклонно», осуществляя не личныя затѣи, а общее историческое, народное дѣло.

Со второй половины XVIII столѣтія Польша вступила въ періодъ агоніи. Въ странѣ все болѣе чувствовалось иноземное вліяніе, въ особенности опека Россіи, вносившая, по сознанію самихъ поляковъ, хотя нѣкоторый порядокъ въ безпомощный хаосъ общественнаго быта. Наступила эпоха раздѣловъ.

Послѣ перваго раздѣла, Польша постаралась найти спасеніе въ реформахъ, но это оказалось для нея непосильнымъ дѣломъ: прошедшее не давало благихъ традицій, для созданія же новаго порядка не хватало творчества. Польскіе историки превозносятъ дѣятельность знаменитаго четырехлѣтняго сейма, но сами же сознаются, что «когда пришлось поддерживать мѣропріятія этого сейма, то въ большинствѣ народа недостало воодушевленія, а въ отдѣльныхъ личностяхъ проявились анархическія стремленія (Бобржинскій)». Послѣ втораго раздѣла, Польша ринулась въ отчаянную борьбу самозащиты. Но эта борьба велась,—по справедливому замѣчанію Костомарова,—подъ знаменемъ старыхъ идеаловъ, по которымъ добрый католикъ привыкъ жить въ свое удовольствіе и для св. церкви на счетъ хлопа, созданнаго для вѣчнаго ярма. Весьма понятно, что простой народъ относился холодно къ борьбѣ. Да и руководящіе классы едва-ли оказались на высотѣ трагическаго момента. Объ этомъ можно судить, напримѣръ, по картинѣ безпечной жизни въ Львовѣ, нарисованной очевидцемъ Охотскимъ. «Хотя весь городъ былъ наполненъ поляками, хотя чуть не всѣ провинціи республики выслали сюда все свое богатѣйшее и интеллигентнѣйшее населеніе, никто даже устъ не открывалъ о бѣдствіяхъ отечества и о его грустномъ положеніи. Казалось за ними не было никакого прошедшаго, впереди—не было будущаго, никакого завтра. Веселились всѣ безъ перерыва, влюблялись на смерть, играли въ карты безъ памяти, пили смертельно. Всѣ партіи общества всегда готовы были соединиться для достиженія общей цѣли: получше веселиться». Третій раздѣлъ раз-

разился ударомъ грома при этомъ ясномъ небѣ удивительной безпечности.

Весьма долго раздѣлъ Польши считался какимъ-то политическимъ преступленіемъ, какимъ-то возмутительнымъ актомъ несправедливости и насилія. Даже русскіе писатели высказывались въ этомъ смыслѣ. Такъ, Погодинъ называлъ раздѣлъ «великимъ европейскимъ грѣхомъ», а И. С. Аксаковъ, въ 1861 г., много писалъ о «русской чуткости къ уклоненіямъ отъ нравственнаго закона» и придумывалъ средства избавиться отъ «ощущенія вины» присоединенія Польши, «исцѣлить эту язву на нашемъ тѣлѣ, такъ долго и мучительно болящую». И только двадцать лѣтъ спустя, познакомясь ближе съ вопросомъ, онъ заговорилъ иначе: «Оглушенные гамомъ польскихъ и иностранныхъ злословій, мы чуть-ли не усомнились въ себѣ и словно виноватые томились жаждою оправданія. На самомъ же дѣлѣ, нечего намъ смущаться, мяться и опускать очи долу; мы можемъ смѣло и открыто смотрѣть въ глаза не только всей Европѣ, но и полякамъ, ибо никакой вины на насъ относительно послѣднихъ нѣтъ».

И дѣйствительно, польскіе раздѣлы явились не результатомъ чьихъ-либо злоумышленій, а естественнымъ исходомъ предшествовавшей исторіи. Правда, съ раздѣлами Польша потеряла самостоятельное правительство, но, по вѣрному замѣчанію польскаго юриста (Гюнне), это правительство давно уже умирало, и давно уже не было извѣстно, гдѣ его искать. Слова: преступленіе, порокъ, грѣхъ, въ примѣненіи къ логикѣ фактовъ и къ ходу исторіи, часто представляютъ собою только метафоры, требующія весьма осторожнаго къ себѣ отношенія. На почвѣ же горячаго польскаго характера, эти метафоры пустили глубокіе корни, разрослись чудовищнымъ лѣсомъ и заслонили отъ взоровъ націи открывавшійся путь племеннаго союза въ Россіей. Обстоятельства послѣ раздѣловъ ставили опредѣленную задачу практической

мудрости Польши, но она предпочла здоровой политикѣ политическую лирику.

Польскіе вожаки устремились на путь эмиграціи и сдѣлали себѣ ремесло изъ политической интриги. Они старались связать судьбу Польши съ республиканскою Франціей; польскіе легіоны участвовали во всѣхъ европейскихъ войнахъ этого времени. Но воевавшія державы въ мирныхъ трактатахъ упорно забывали о Польшѣ, а легіоны, по минованіи въ нихъ надобности, были отправлены насильно въ экспедицію на о. Санъ-Доминго, гдѣ и погибли. Не отрезвленные ходомъ дѣлъ, поляки еще пламеннѣе предались Наполеону I и были награждены за все свое усердіе эфемернымъ Варшавскимъ герцогствомъ, которое выкроилъ имъ французскій императоръ, подчинивъ его саксонскому королю, а еще болѣе — своему произволу. Это герцогство исчезло вмѣстѣ со всѣми другими декораціями феерической Первой имперіи. На Вѣнскомъ конгресѣ Александръ I создалъ Царство Польское и тѣмъ спасъ славянскую націю отъ поглощенія моремъ германизма. Однако поляки были недовольны «конгрессувкой». Они требовали государства въ прежнихъ предѣлахъ, «отъ моря до моря», съ Литвой и русскими областями. Политика интригъ продолжалась и наконецъ, привела къ взрыву 30 года. Обстоятельства показались удобными: Россія, смущенная внутри «затѣйкой» декабристовъ, вела турецкую войну, въ Парижѣ шумѣла іюльская революція, Бельгія возстала противъ господства голландцевъ, и во всей Европѣ ожидалась общая война. Но польская національная слабость политическаго смысла выступила здѣсь въ обычной фантастичности цѣлей и въ неумѣніи дѣлать важное государственное дѣло.

Вотъ, по описанію современника (Воспоминанія прелата Буткевича), положеніе вещей въ Польшѣ, когда цесаревичъ Константинъ Павловичъ уже удалился изъ Варшавы, и когда, слѣдовательно, Рубиконъ былъ уже перейденъ. Въ Варшавѣ царилъ полный хаосъ. Никто не

спѣшилъ принять мѣры для защиты страны. На улицахъ, правда, толкалось много офицеровъ въ блестящихъ мундирахъ будто бы вновь сформированныхъ полковъ, но солдатъ для этихъ полковъ не было, а если и были, то на бумагѣ. Всѣ веселились и наполняли кофейни. Здѣсь авторы патріотическихъ пѣсенъ пѣли свои произведенія, а публика подпѣвала: «а ку! ку! куку!» Между членами главнаго правленія не было единства и выдержки. Съ перваго же дня начались споры изъ-за мелочей, зависть и взаимное недовѣріе между военными и гражданскими властями, тревожные слухи объ интригахъ предводителей. Всякій, кому что-нибудь не нравилось, грозилъ уѣхать за границу. Въ провинціи вожаки, бунтуя народъ, пріискивали въ то же время для себя безопасное мѣсто за предѣлами края. Они нерѣдко брались за оружіе ради личныхъ цѣлей, чтобы обогатиться или свести старые счеты съ сосѣдями. Сеймъ, на который депутаты были торжественно выписаны изъ Украйны, Волыни, Литвы, Бѣлой Руси, Жмуди, забавлялся вопросами, далекими отъ текущихъ нуждъ. Такъ разсказываетъ прелатъ Буткевичъ, и къ этому свидѣтельству очевидца едва-ли нужно что-либо прибавить.

Послѣ замиренія, въ странѣ снова началось будированіе, хвастовство и бравады; на послѣднія деньги раскупались сувениры революціи: крестики, игольники и прочія вещи, сдѣланныя будто-бы изъ дерева рощи на Гроховомъ полѣ. Эмиграція начала снова свои жалобы и вопли предъ иностранными дворами. По справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, поляки скликали всю Западную Европу на главнѣйшее славянское племя, на единственную существующую въ мірѣ славянскую державу; они не понимали, что торжество Запада окончательно сгубило бы Польшу, оторвало бы ее на вѣки отъ славянскаго міра и растворило бы безъ остатка въ германизмѣ. Въ наивномъ тщеславіи, они провозглашали себя оплотомъ европеизма противъ русскаго варварства

и, такимъ образомъ, поднимали руки на свою собственную будущность. Россія истощала усилія, искренно стараясь найти удобный укладъ отношеній, но поляки съ чисто дѣтскимъ капризомъ стояли на своей дилеммѣ: все или нечего. Всякое учрежденіе, напр., открытое въ 1857 г. земледѣльческое общество, они обращали въ очагъ интригъ, на которомъ искусственно накаляли свой романтическій и фантазирующій патріотизмъ. Въ то самое время, когда въ Варшавѣ предпринимались широкія реформы, когда уже подводилъ итогъ своей дѣятельности уполномоченный русскимъ довѣріемъ маркизъ Велепольскій (въ сущности впрочемъ, также плохой политикъ),—въ это именно время руководящіе элементы польскаго общества разрѣшились знаменитымъ адресомъ 1862 г. къ русскому правительству: «Мы, какъ поляки, тогда только будемъ въ состояніи поддерживать правительство своимъ довѣріемъ, когда оно будетъ наше польское и когда, при свободныхъ учрежденіяхъ, будутъ соединены всѣ области, составляющія наше отечество (Литва, Украйна, Русь)».

III.

Итакъ, проходя по всему пространству польской исторіи, мы постоянно видимъ за собою, какъ черную тѣнь, проявленія національной слабости политическаго такта. Съ грустью сознаваясь въ этомъ, проф. Бобржинскій замѣчаетъ: «Шляхта особенно занималась правомъ, почему шляхетскіе умы пріобрѣли то юридическое направленіе, ту юридическую окраску, которыя остались характеристичной чертой ихъ до конца. Къ несчастью, юридическій умъ не есть еще умъ политическій». Это замѣчаніе не можетъ не остановить на себѣ нашего вниманія, ибо, на самомъ дѣлѣ, юридическій умъ всегда есть именно вмѣстѣ съ тѣмъ и умъ политическій. Право, какъ и политика, по замѣчанію Іеринга, составляетъ продуктъ народнаго характера. Богатая продуктивность

народа въ области права можетъ обусловливаться только богатствомъ народной практической мудрости и такта, крѣпостью и устойчивостью народнаго характера, а эти психическія условія должны вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивать націи и твердость политическаго быта. Отсюда слѣдуетъ, что признаніе юридическихъ способностей въ польскомъ духѣ противорѣчило бы признанію слабости этого духа въ политическомъ отношеніи. Исходя изъ такихъ апріорныхъ соображеній, нельзя не усомниться въ вѣрности замѣчанія почтеннаго историка. Дѣйствительно ли исторія Польши представляетъ собою картину могучей производительности, выдвигающей изъ лона народнаго духа юридическіе принципы и строющей систематически, наслоеніе за наслоеніемъ, этажъ за этажомъ, національное зданіе правовыхъ отношеній? Факты говорятъ иное. Уже при первыхъ корольхъ,—вассалахъ Германской имперіи,—нѣмецкое вліяніе навязало Польшѣ совершенно не свойственные славянству феодальные принципы. Это засореніе народной почвы повело къ образованію странной республики, смѣшавшей въ себѣ западный аристократизмъ со славянскимъ демократизмомъ, и положило отпечатокъ на весь юридическій укладъ государственныхъ элементовъ. Дальнѣйшая правовая жизнь Польши строилась подъ сильнымъ дѣйствіемъ магдебургскаго права, а также—римскаго и каноническаго. Попытки составленія законодательныхъ сборниковъ при Сигизмундѣ I, Сигизмундѣ-Августѣ, Сигизмундѣ III, не имѣли успѣха, сеймъ не утвердилъ ихъ, и право оставалось въ хаосѣ. Проектъ кодекса Замойскаго, въ 1780 г., былъ отвергнутъ цѣликомъ. Наконецъ, все завершилось принятіемъ чужихъ законовъ,—кодекса Наполеона.

Безъ сомнѣнія, упомянутый историкъ, говоря о юридическихъ дарованіяхъ шляхты, былъ введенъ въ заблужденія тою страстью къ процессамъ, тѣмъ щегольствомъ юридическою техникою и терминами, какими

дѣйствительно всегда отличалось польское общество. Но въ этихъ чертахъ выступаетъ не настоящая правовая способность, а лишь своеобразная юридическая изворотливость и крючкотворство, въ родѣ тѣхъ, какими тщеславился изображенный Мицкевичемъ вознный («Тадеушъ»), когда приглашалъ гостей въ спорный замокъ, чтобы закрѣпить права на него: «ибо кто приглашаетъ гостей въ домъ, тотъ, значитъ, и владѣетъ имъ». Такого рода юридическая способность не водворяетъ стройности и порядка въ отношеніи людей, а только плодитъ смуту и сутяжничество, на которыя такъ жаловался мемуаристъ XVIII вѣка (Михаловскій), говоря: «Бѣда у насъ тому, чьимъ добромъ завладѣютъ чужія руки, не скоро онъ его возвратитъ», или: «для юристовъ ссора пановъ все равно, что для врачей эпидемія». Такія юридическія способности не свидѣтельствуютъ о твердости народнаго духа, характера и такта, а, напротивъ, говорятъ о страстности и импульсивности національнаго темперамента, о капризахъ воли и недостаткѣ практической мудрости. Слѣдовательно, и послѣ упомянутаго замѣчанія проф. Бобржинскаго, мы можемъ повторить наше утвержденіе словами И. С. Аксакова: «Надѣленная многими блистательными качествами, польская нація какъ-то органически обдѣлена разсудительностью и государственнымъ смысломъ».

Нѣкоторые изъ русскихъ писателей отказываются принимать гипотезу о природной политической слабости польской націи; однакоже, въ своихъ разсужденіяхъ и разсказахъ объ исторіи Польши, они постоянно прибѣгаютъ къ выраженіямъ: «полякамъ не удалось», и т. д. Эти «не удалось» и «не успѣли», въ сущности, только подтверждаютъ факты, причину которыхъ объясняетъ упомянутая «гипотеза». Когда мы видимъ, что человѣку постоянно «не удается» дѣятельность въ извѣстномъ направленіи, тогда мы говоримъ, что онъ не имѣетъ соотвѣтственныхъ способностей. Когда, напр., писатель тщетно

берется за философскія темы и «не успѣваетъ» создать ничего, кромѣ пухлыхъ водянистыхъ томовъ или плоскихъ брошюръ, тогда мы заключаемъ, что этотъ писатель лишенъ способности къ философскому мышленію. Упорство поляковъ въ стремленіи къ политической независимости и въ желаніи играть политическую роль ничего не доказываетъ. Нерѣдко бываетъ, что человѣкъ—художникъ по природѣ—считаетъ себя дѣльцомъ и цѣлую жизнь отдаетъ аферамъ. Всѣмъ постороннимъ зрителямъ видно, что тутъ происходитъ явная ошибка въ выборѣ дороги, но самъ онъ остается при своемъ заблужденіи и не вразумляется длиннымъ рядомъ весьма понятныхъ неудачъ. Такое прискорбное ослѣпленіе, коренящееся въ слабости самопознанія, можетъ быть присуще не только отдѣльнымъ людямъ, но и цѣлымъ народностямъ. Справедливость требуетъ однако признать, что польское самопознаніе мало-по-малу проясняется. Нѣкоторые изъ современныхъ польскихъ писателей, оглядываясь на ближайшее прошлое, видятъ за собою сто лѣтъ борьбы за политическую роль, и эти сто лѣтъ убѣждаютъ ихъ, что борьба была не по силамъ, и не по свойствамъ націи. Жаль только, что такое признаніе вырывается у нихъ съ напрасной примѣсью какого-то горькаго чувства стыда и виновности.

Весьма крупное, хотя и распространенное заблужденіе заключается въ обычаѣ придавать политикѣ преувеличенную, почти исключительную важность, а политической способности—почти исчерпывающее значеніе въ области человѣческихъ способностей. На самомъ дѣлѣ, богатства нашей природы не укладываются цѣликомъ въ рамки талантовъ практическаго разума. Сказавшій: «Воздайте кесарево кесарю» не требовалъ, чтобы люди отбросили свое человѣческое достоинство и снизошли до ничтожества, потому что, кромѣ дѣла кесарева, есть еще много иныхъ дѣлъ; кромѣ политики, есть еще огромный, необъятный міръ, въ которомъ человѣкъ и народ-

ность могутъ показать свою силу, пріобрѣсти честь и славу, сослужить великую службу Богу и человѣчеству. Въ семьѣ обыкновенно одинъ изъ членовъ несетъ на себѣ, главнымъ образомъ, обязанности хозяйства, но этимъ не сводится къ рабству и не уничтожается достоинство другихъ членовъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ можетъ сказать: «братъ ведетъ преимущественно наши общія дѣла, потому что у него крѣпче нервы, онъ терпѣливѣе, выносливѣе и устойчивѣе въ дѣлахъ хозяйства». И говорящій такимъ образомъ не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній чувствовать себя униженнымъ и пристыженнымъ. Истинно прискорбное зрѣлище, напротивъ, представляетъ собою та семья, въ которой члены ссорятся между собою изъ-за домостроительства и въ нелѣпой ревности другъ къ другу пылаютъ взаимною враждою.

Обращаясь къ коллективнымъ личностямъ, къ націямъ, мы видимъ, что нерѣдко слабость политической способности не мѣшала имъ сыграть великую историческую роль. Возьмемъ для примѣра классическую Грецію. Вслѣдствіе недостатка политическаго таланта, эллины не были въ силахъ создать устойчивое государство. Оно сливалось у нихъ съ обществомъ, съ совокупностью интересовъ отдѣльныхъ лицъ и группъ. Государство, съ его аттрибутами: законодательными скрижалями, мечомъ и вѣсами правосудія,—не поднималось здѣсь до надлежащей высоты, а, напротивъ, опускалось непосредственно въ водоворотъ общественной жизни, гдѣ тысячи рукъ тянулись къ его скрижалямъ и вырывали другъ у друга его мечъ, желая воспользоваться и тѣмъ и другимъ, въ видахъ удовлетворенія частныхъ, личныхъ притязаній. Отсюда проистекала великая шаткость политико-юридическаго строя. Вмѣсто единства, въ нѣдрахъ каждой изъ эллинскихъ республикъ былъ раздоръ, вмѣсто гармоніи—кровавая вражда.

Въ греческомъ государствѣ,—говоритъ Платонъ,—постоянно было нѣсколько государствъ, нѣсколько борю-

ищихся партій. Тутъ выработался такой же порядокъ вещей, какъ и въ Польшѣ, гдѣ, по словамъ Гюнне, «общество поднялось до степени государства или государство разложилось въ общество». Бытъ греческаго города весьма напоминаетъ строй Рѣчи Посполитой, которая, по вѣрному замѣчанію издателя записокъ Охотскаго, была не столько государствомъ, сколько имѣніемъ, дурно управляемымъ вѣтренными, близорукими, хотя иногда благородными и добрыми людьми. Не имѣя твердаго характера и настойчивой практичности, эллины, какъ и поляки, вели войны безъ системы и выдержки, а нервными пароксизмами, въ которыхъ доблестные подвиги чередовались съ моментами унынія. Во внутренней политикѣ у грековъ царила безпечность, отмѣченная словами Демосѳена: «Панаѳинеи, Діонисіи и другіе праздники у насъ всегда празднуются во-время, арміи же наши вѣчно опаздываютъ». Совсѣмъ такъ, какъ было и въ Польшѣ. Въ законодательныхъ собраніяхъ эллинскихъ гражданъ рѣшающее значеніе имѣли всякія новыя политическія вѣянія, такое или иное теченіе интересовъ минуты, личныя симпатіи и антипатіи человѣка, пользующагося въ данный моментъ народнымъ расположеніемъ. Греческіе же судьи обнаружили недолжную готовность принимать въ соображеніе постороннія обстоятельства, притязанія личностей и споры партій. Здѣсь было, слѣдовательно, то же, что и въ польскихъ сеймахъ и трибуналахъ. Эллинскіе риторы и юристы не заботились объ уясненіи принциповъ права и о солидной обработкѣ законодательнаго матеріала. Они были «практиками» въ узкомъ смыслѣ этого слова; участвуя въ процессахъ, они преслѣдовали исключительно ту или другую спеціальную цѣль. Справедливость и право, какъ таковыя, ихъ не интересовали: обвинитель стремился во что бы то ни стало обвинить, защитникъ—оправдать, правовая же норма при этомъ являлась только гибкой сталью боевой ораторской рапиры. Поэтому риторы, не исключая даже такихъ, какъ Демос-

ѳенъ, пускались въ хитрыя и произвольныя толкованія закона, весьма напоминающія крючкотворство вознаго въ «Тадеушѣ». И однакоже, не смотря на всю слабость политическихъ и юридическихъ способностей, классическіе греки другими своими дарованіями сослужили великую службу человѣчеству и покрыли себя неувядаемою славою.

Исходя изъ яснаго пониманія отличительныхъ свойствъ польской націи, нельзя не придти къ твердому убѣжденію, что наиболѣе надежнымъ и естественнымъ для нея залогомъ благополучія, указываемымъ самою логикою вещей, было и есть соединеніе съ русскою народностью, укрѣпленіе родственнаго союза, который долженъ явиться складчиной національныхъ талантовъ и дружнымъ сотрудничествомъ въ священномъ подвигѣ племеннаго совершенствованія. Жизнь въ этомъ союзѣ не заключаетъ въ себѣ ничего, что роняло бы нравственное достоинство Польши. Напротивъ, истинное униженіе лежитъ на томъ пути, которымъ часто шли поляки, тщетно предъявляя мнимыя права на родство съ народами европейскаго Запада («la France et la Pologne sont soeurs!») и удручая всѣхъ постоянными жалобами на свои несчастья. Безъ нужды фигурировать въ вѣчной позѣ страдальца значитъ дѣлать ошибочный разсчетъ. Поэзія слабости и страданія лишена надежнаго эффекта. Все живущее сочувствуетъ только жизнеспособному и крѣпкому. Если моментъ рыданія сильнаго человѣка составляетъ трагедію, то хроническая слезливость вызываетъ у зрителей презрѣніе, переходящее часто въ озлобленіе. Упрекать постоянно всѣхъ въ неблагодарности, въ несправедливости, въ безсердечіи,—это истинное дѣло неудачника. А потому неизмѣримо лучше оставить роль пріемыша въ чужомъ домѣ, прекратить вѣковыя приспособленія къ чужому духовному міру и вернуться къ свою семью, стать почтеннымъ ея членомъ, дать ходъ своимъ природнымъ дарованіямъ, говорить свое слово, вносить въ судьбы прогресса свой вкладъ, сливать свой голосъ въ общемъ единопле-

менномъ хорѣ, которому наступитъ же наконецъ время огласить міръ своимъ гимномъ своему жизненному идеалу.

Въ сущности, Россія и Польша стремились издавна къ сліянію. Между ними,—по справедливому замѣчанію г. Пыпина («Польскій вопросъ»),—всегда чувствовалось присутствіе племеннаго родства. Въ отношеніяхъ Юга и Запада Россіи къ Польшѣ,—говоритъ Гильфердингъ,—не обнаруживалось сначала кореннаго антагонизма. Польская образованность долгóе время имѣла большой кредитъ въ Россіи. Дѣло собиранія земли и созиданія государства неудержимо влекло Россію по направленію къ Польщѣ; эта неудержимость характерно свидѣтельствуется заявленіемъ дипломатовъ Іоанна III, говорившихъ, что прочнаго мира (на условіяхъ отдѣльнаго существованія) тутъ быть не можетъ, а могутъ быть только перемирія, «чтобы люди поотдохнули». Въ Россіи жила и не умирала тенденція, которую выразилъ, быть можетъ въ преувеличенномъ масштабѣ, хорватъ Крижаничъ въ извѣстномъ обобращеніи къ Алексѣю Михайловичу: «Тебѣ, пречестный царь, выпалъ жребій помышлять обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей; да пособишь задунайцамъ, ляхамъ и чехамъ» и т. д. Даже въ пылу борьбы часто просвѣчивало родственное чувство. Невольно вспоминаются, напримѣръ, слова, сказанныя Императоромъ Николаемъ I гвардіи, отправлявшейся въ Польшу въ 1830 году: «Вамъ придется сражаться съ непріятелями, но помните, что они—братья». Манифестъ же объ окончаніи этой войны прежде всего бладарилъ войска за проявленныя ими кротость и человѣколюбіе во время военныхъ дѣйствій: «Не грозою мщенія,—читаемъ здѣсь,—а примѣромъ вѣрности, великодушія и забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху къ тѣснѣйшему соединенію сего края».

Съ своей стороны и Польша обнаруживала стремленіе на востокъ, мечтала о соединеніи всего восточнаго славянства. Часто между кандидатами на польскій прес-

толъ указывались русскіе цари, а въ критическія минуты польское сознаніе не разъ приходило къ мысли, что единственною опорою для польской національности, единственно прочнымъ, нравственно удовлетворяющимъ союзомъ можетъ быть только союзъ съ русскимъ народомъ. Чувство родства постоянно таилось и проступало въ произведеніяхъ польскихъ авторовъ (ср. Первольфа «Славяне, ихъ взаимныя отношенія»). Такъ, напримѣръ, поэтъ Трембецкій говорилъ о томъ, что «русскій происходитъ отъ одного съ поляками корня» и что у нихъ «одна кровь, одинъ языкъ, та же непоколебимая смѣлость, то же презрѣніе къ смерти»; «долго насъ ослѣпляли фуріи, и мы считали доблестью ходить въ братской крови, пусть же забвеніе свалитъ въ груду развалинъ взаимныя пораженія». Два столѣтія раньше историкъ и поэтъ Вановскій считалъ Русь родиной славянъ и мечталъ о «возвращеніи въ первобытныя полунощныя страны праотцевъ». И Польша, дѣйствительно, въ теченіе всей исторіи, постоянно отступала съ запада и подвигалась на востокъ, точно подчиняясь естественному тяготѣнію къ своимъ и инстинктивному стремленію вернуться домой. Всѣ эти стремленія и тяготѣнія со стороны Россіи и Польши происходили часто въ туманѣ безсознательности, а потому неудивительно, что при осуществленіи стремленій на дѣлѣ получались столкновенія и борьба, огонь и кровь. Но почему же родственная связь не находила силъ справиться съ прискорбными недоразумѣніями? Откуда взялся ядъ вражды, пропитавшій надолго такъ называемыя «русско-польскія отношенія»? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить такъ: причина вражды объясняется исторіей культуры и образованности въ Польшѣ.

IV.

Исторія польской культуры во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названа исторіей подчиненія Западной

Европѣ. Въ то время, когда Россія получала религіозное просвѣщеніе въ православіи, Польша приняла католицизмъ, и это положило печать на судьбу единоплеменной съ нами народности. Мы не будемъ касаться названныхъ вѣроисповѣданій съ богословской точки зрѣнія, но мы должны принять во вниманіе разницу ихъ въ бытовомъ отношеніи. Какъ извѣстно, духовная власть въ православіи не обнаруживала намѣреній овладѣвать всецѣло людьми и вмѣшиваться во всѣ детали ихъ жизни. Пастыри русской церкви, содѣйствуя росту государства, не старались обратить его въ пьедесталъ своего собственнаго возвышенія. Они совершали въ общественно-государственной жизни страны то же дѣло, какое дѣлаютъ религія и совѣсть въ жизни отдѣльнаго благочестиваго человѣка. Этотъ человѣкъ занимается своими разнообразными житейскими дѣлами совершенно свободно. Онъ воздѣлываетъ землю или торгуетъ, онъ учится или служитъ, онъ разсчитываетъ, соображаетъ и подыскиваетъ средства для тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей; но все это онъ дѣлаетъ при свѣтѣ своей религіозности, при постоянномъ ея контролѣ, который, въ случаяхъ уклоненія человѣка отъ правоваго пути, возстаетъ неподкупнымъ укоромъ совѣсти. Въ такомъ именно смыслѣ и русское духовенство полагало своимъ назначеніемъ олицетворять собою совѣсть общества и государства. Оно понимало, что, непосредственно смѣшиваясь съ сутолокой жизни, оно потемняло бы чистоту своего великаго служенія. Духовное лицо, держась благоговѣйно креста, сохраняетъ высокое значеніе учителя добра и стража благочестія, тогда какъ, оставляя крестъ, оно становится обыкновеннымъ человѣкомъ, простымъ обывателемъ, лишь эксплоатирующимъ рясу. Пастыри русской церкви, стоя на высотѣ своего долга, не пытались захватывать оружіе изъ чужаго арсенала и не спускались до хитростей или до вбиванія своихъ поученій молотомъ грубаго насилія. Они не втунѣ носили наименованіе святителей: отъ нихъ

дѣйствительно струился свѣтъ благочестія и благороднаго тождества слова и дѣла. Мимолетныя уклоненія въ сторону тезиса: «патріархъ есть второй царь, перваго царя большій» были пресѣчены сразу и на всегда Петромъ I, который писалъ въ своемъ Регламентѣ: «да не вспомянутся подобные у насъ бывшіе замахи!»

Совсѣмъ напротивъ, духовная власть въ католицизмѣ стремилась къ полному завладѣнію людьми и народами. Она не гнушалась спускаться въ глубь человѣческихъ страстей и пороковъ, въ сердцевину національныхъ недостатковъ, чтобы тамъ открывать удобныя для себя пружины. Она выработала богатый запасъ духовныхъ возбудительныхъ средствъ, сильно дѣйствующихъ на чувства, и легко представить себѣ ея торжество, когда ей приходилось имѣть дѣло съ такимъ женственно-воспріимчивымъ темпераментомъ, какимъ обладаетъ польская нація. Найдя въ Польшѣ удобную почву, католицизмъ широко раскинулъ въ ней свои цѣпкіе корни. Для овладѣнія отдѣльными душами и цѣлымъ государствомъ были пущены всѣ средства. Церковная проповѣдь прониклась фанатизмомъ, образчиками котораго могутъ служить, напримѣръ, слѣдующія свидѣтельства XVI вѣка: «Мосцицкій проповѣдывалъ о послѣднемъ судѣ; его лицо, обыкновенно блѣдное, вдругъ вспыхнуло румянцемъ, онъ казался весь объятъ пламенемъ, а когда онъ вспомнилъ о Дафанѣ и Авиронѣ, когда рукою указалъ на землю, какъ будто разверзающуюся для поглощенія безбожниковъ, всѣ онѣмѣли и задрожали отъ страха». Или: «Рамультъ въ энтузіазмѣ самъ не всегда сознавалъ, что говорилъ, въ экстазѣ предсказывалъ будущія событія, и слова его исполнялись»...Агенты воинствующаго католицизма разсыпались по всему пространству Рѣчи Посполитой. Въ лонѣ каждаго семейства помѣстился капеланъ, который входилъ во всѣ мелочи домашняго обихода, даже судилъ неисправную прислугу и наказывалъ плетьми провинившихся дворовыхъ дѣвушекъ. Эти агенты напол-

няли исповѣдальни и школы. При дворахъ магнатовъ помѣщались избранные люди, для простой шляхты назначались другіе стражи, изъ нищенствующихъ орденовъ, бернардины, францисканцы, капуцины и т. д. Вся эта «братія» обратила Польшу въ настоящій монашескій лагерь. Ко времени паденія іезуитовъ въ странѣ насчитывалось 973 монастыря.

Мало-по-малу вліяніе этихъ клириковъ настолько переплелось со всѣми сторонами польской жизни, что невозможно было рѣшить, гдѣ кончается сутолока повседневнаго обихода и гдѣ начинается святая святыхъ религіи, гдѣ молитвенный экстазъ, а гдѣ земныя страсти и воинственный азартъ. Вспомнимъ обычай шляхты, во время чтенія евангелія въ храмѣ, надѣвать шапки и обнажать наполовину сабли въ доказательство готовности защищать католическую вѣру. Нельзя было различать, гдѣ кончается преподаваніе Закона Божія и гдѣ начинается политика: вспомнимъ, напр., изъ записокъ Терлецкаго, описаніе кременецкаго законоучителя, который, читая дѣтямъ о страстяхъ І. Христа, говорилъ и о страданіяхъ Польши, при чемъ заливался горькими слезами, воздѣйствуя на дѣтскую впечатлительность. Невозможно было отличить, гдѣ кончается служеніе небу и гдѣ начинается служеніе землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою унія,—актъ ли благочестія или политическую хитрость? Въ притѣсненіяхъ диссидентовъ—выступаетъ ли религіозное рвеніе или антихристіанское насиліе? Въ походѣ съ Самозванцемъ въ Москву—должно ли видѣть миссіонерскую экспедицію или завоевательную авантюру? Такое же предосудительное смѣшеніе религіи съ политикой, высокихъ принциповъ съ низменными цѣлями, мы видимъ и въ дальнѣйшей исторіи, въ разныхъ демонстративныхъ панихидахъ по костеламъ, въ ксендзахъ, благословляющихъ оружіе для братоубійственныхъ кровопролитій. По самымъ послѣднимъ свидѣтельствамъ (ср. ст. г. Урсина, «Религіозно-политическіе иде-

алы польскаго общества», С. В., 1895 г.), многіе изъ разочаровавшихся въ Европѣ поляковъ тянутся къ католической церкви, какъ къ силѣ, на которую надѣются; передъ ихъ воспламененнымъ взоромъ, въ образѣ папы сливается глава церкви съ оплотомъ политическихъ мечтаній. Слѣдовательно, духъ фальсифицированнаго благочестія и искаженной религіозности остается и понынѣ; онъ очень портитъ картину польскаго молитвослуженія, краснорѣчиво описанную г. Михневичемъ («Варшава и варшавяне», 1881 г.), въ такихъ чертахъ: «Когда набожная толпа въ нѣсколько сотъ голосовъ запоетъ, подъ торжественные аккорды органа, уныло монотонныя «литаніи», то въ патетическихъ мѣстахъ слышится что-то похожее на вибрирующій рыданіями вопль горючей скорби, жалобы и мольбы, рвущихся изъ тысячи взволнованныхъ сердецъ». Г. Михневичъ наивно полагаетъ, что волны этого молитвеннаго гимна поднимаются къ небу, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ стелются очень низко по землѣ, цѣпляясь за прискорбныя національныя недомыслія, за упрямство національныхъ страстей, за клерикальные аппетиты и шляхетскія вожделѣнія.

Указанное свойство польскаго католицизма вызываетъ тѣ предосторожности русскаго правительства, на которыя сѣтуютъ гр. Лелива въ своемъ прославившемся сочиненіи. Съ высокимъ подъемомъ благочестиваго паѳоса, графъ жалуется на то, что даже постановка придорожныхъ крестовъ въ Западномъ краѣ стѣснена и что «священный символъ христіанской религіи вызываетъ тревогу среди русскихъ властей». Но польское благочестіе лучше проявило бы себя, если бы само берегло этотъ священный символъ, а не влекло его по праху низменныхъ страстей черезъ всѣ вѣка своей исторіи, если бы не забрызгивало этотъ священный символъ кровью диссидентовъ, не пятнало его насиліями уніи и не размахивало имъ, какъ топоромъ повстанца. Не должно,— говорятъ нѣкоторые изъ русскихъ сторонниковъ заблуж-

деній гр. Леливы,—мстить за религіозныя гоненія такими же притѣсненіями. Но русскія мѣры осторожности вовсе не представляютъ собою гоненія религіи. Самъ гр. Лелива признаетъ, что наши основные законы относятся гостепріимно къ католицизму; онъ жалуется лишь на противорѣчіе между ними и дополнительными узаконеніями и административными мѣрами, вносящими стѣсненія. Вглядываясь ближе въ дѣло, нельзя не видѣть, что противорѣчія здѣсь нѣтъ, потому что основные законы имѣютъ въ виду католицизмъ, какъ христіанскую религію, съ тѣмъ же евангеліемъ, съ тѣмъ же завѣтомъ любви къ Богу, къ ближнимъ и къ врагамъ; дополнительныя же узаконенія и мѣры имѣютъ въ виду польскій клерикализмъ, который стремится сдѣлать изъ католической церкви «государство въ государствѣ» и пытается обращать обряды въ благовидные предлоги для сѣянія смуты. Наивные сторонники гр. Леливы возражаютъ: не слѣдуетъ ставить предварительныхъ стѣсненій въ виду однѣхъ лишь вредныхъ тенденцій, должно ожидать фактовъ осуществленія этихъ тенденцій и тогда уже принимать судебныя и карательныя мѣры. Съ такой же логикой можно сказать: не слѣдуетъ стѣснять торговлю опіемъ изъ-за одного предположенія, что люди будутъ отравляться имъ, не слѣдуетъ контролировать постройку общественныхъ зданій изъ-за одного предположенія, что въ зданіи случится пожаръ и сгорятъ люди; нужно ждать, когда опасная тенденція осуществится, и тогда уже пускать въ ходъ аппаратъ протоколовъ, судебныхъ разбирательствъ и т. д. Оставляя въ сторонѣ подобныя наивности и не защищая, конечно, случаевъ административной безтактности и злоупотребленія, мы должны сказать, что государству, обязанному охранять миръ въ странѣ, приходится по мѣрѣ средствъ блюсти чистоту священнаго дѣла церковной проповѣди и обряда отъ оскверняющихъ примѣсей. Въ этой роли государства нѣтъ ничего противнаго истинному благочестію: рукою,

показавшею намъ свѣтъ, были изгоняемы изъ храма люди, мѣшавшіе святости мѣста.

Говоря о католичествѣ въ Полыпѣ, должно помнить, что онъ пришелъ изъ Рима, оттуда всегда получалъ команду и служилъ орудіемъ интересовъ центра Западнаго міра. Такимъ образомъ, онъ былъ чуждъ польскому народу и пользовался имъ какъ средствомъ, затрогивая то ту, то другую пружину его общественно-государственнаго механизма, воздѣйствуя то на королевскую власть, то на силу своевольныхъ магнатовъ. Онъ былъ петлею, закинутою Западомъ на славянскую страну съ цѣлью ея порабощенія. И дѣйствительно, властною рукою католицизма Западъ покорялъ Польшу своему вліянію и въ теченіе вѣковъ готовилъ себѣ вѣрнаго слугу. Уже король Болеславъ, утвердившій католицизмъ, вызвалъ изъ Европы, для просвѣщенія народа, орденъ бенедиктинцевъ: потомъ явились ордена доминиканцевъ, цистеріанцевъ и др. Все это были чужіе люди изъ Италіи, Франціи и Германіи. Они принесли съ собою чужіе вкусы, нравы, идеалы и языкъ; они говорили пытливымъ польскимъ умамъ, что истинный свѣтъ, совершенство, земная слава и пути небеснаго спасенія лежатъ по ту сторону западной границы. Польское юношество, увлекаемое этой лучезарной перспективой, отправлялось на выучку въ Римъ, Парижъ, Падую, Болонью, и преуспѣвало тамъ. О характерѣ этого преуспѣянія можно судить по свидѣтельству писателя XVI вѣка, Кромера, который писалъ: «Ils sont portés à imiter les moeurs des autres peuples; ils imitent facilement la manière d'être et de vivre des étrangers, plus capables d'imiter que d'inventer», etc. Они привозили домой новости, вытѣснявшія родную старину. Такимъ образомъ, установился притокъ въ страну чужихъ общественныхъ и государственныхъ началъ. Чужеземная мода переодѣла общество пановъ въ нѣмецкія, венгерскія и другія одежды. При дворѣ Пястовъ и въ домахъ магнатовъ говорили по-нѣмецки. Позднѣе вошелъ

въ обычай латинскій языкъ; онъ сталъ языкомъ богослуженія, школъ, сеймовъ, судовъ, законовъ, дипломатическихъ сношеній и всякихъ торжественныхъ обрядовъ. Этотъ все охватившій языкъ можно поистинѣ назвать символомъ покорности Польши Риму и Европѣ. Говорили по-польски только женщины и простой народъ. Искусственно воспитываемая интеллигенція ужасалась родной рѣчи, находя ее непристойной въ шуткахъ и грубой въ молитвѣ. Всѣхъ потянуло къ чужому изяществу, и въ нравы вошла привычка цѣнить выше всего сходство съ европейцемъ и похвалу иноземца.

Казиміръ Великій основалъ Краковскую академію, позднѣе поддержанную королевой Ядвигой. Это ученое и учебное учрежденіе было дѣтищемъ Рима и слагалось изъ духовныхъ лицъ, по образцу такихъ же учрежденій въ Прагѣ, Парижѣ и т. д. Въ силу этого, академія имѣла въ виду не нужды Рѣчи Посполитой, а лишь общую схему европейскихъ воззрѣній на образованіе. Ее вдохновляли не потребности страны, не свойства польскаго народа, а западная схоластическая философія; въ ея задачи входило приготовленіе не гражданъ, полезныхъ отечеству, а духовныхъ лицъ, т. е. мѣстныхъ исполнителей приказаній папы. Академія жила изолированною жизнью, безъ внутреннихъ, сердечныхъ связей съ народомъ, какъ гарнизонъ воиновъ-побѣдителей въ завоеванномъ государствѣ. Чуждаясь запросовъ окружающей дѣйствительности, академія долго хранила, какъ святыню, ученые взгляды, методы и программы западнаго средневѣковья. Если и допускалось въ ней изученіе практическихъ наукъ, физики и медицины, то не иначе, какъ по Аристотелю и Гиппократу. На профессорѣ астрологіи лежала обязанность давать предсказанія о погодѣ, о несчастныхъ дняхъ, о судьбѣ людей и городовъ. Профессора права не преступали предѣловъ права римскаго и каноническаго, вслѣдствіе чего изъ академіи выходили часто такіе законодатели, для которыхъ вся народная

жизнь казалась чистымъ листомъ бумаги. Проникнутая такимъ духомъ, Краковская академія имѣла подъ своимъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ много высшихъ и низшихъ училищъ по городамъ.

Между тѣмъ поѣздки поляковъ на Западъ съ образовательною цѣлью продолжались. Этимъ поддерживался притокъ въ Польшу чужеземнаго вліянія и, когда вспыхнула заря европейскаго гуманизма эпохи Возрожденія, то этотъ свѣтъ скользнулъ и по поверхности Рѣчи Посполитой. Тѣми же вѣтрами были занесены въ Польшу и сѣмена реформаціи. Профессоръ Бобржинскій полагаетъ, что реформація должна была оказать благое вліяніе на страну, пробудить въ ней живое религіозное чувство и здравый умъ, вдохнуть въ общество энергію воли и дѣйствія.

Но это мнѣніе почтеннаго историка не вѣрно.

Реформація, по ея сущности, не есть возрожденіе религіи, а напротивъ, ея опасный, хотя и замаскированный врагъ. Она возбуждаетъ не чувство религіи, а только интересъ къ ней, или страсть диспутировать на религіозныя темы. Реформація сводитъ религію къ разсужденію, она перемѣщаетъ ее изъ сердца въ умъ, изъ богословія—въ философію, а изъ философіи—въ такъ называемый здравый смыслъ каждаго отдѣльнаго индивида. Такимъ образомъ, религія лишается своей божественной искры и становится системой разсудочной морали, въ которой столько мнѣній, сколько разсуждающихъ головъ.

Идя по этому пути, люди приходятъ къ тяжелому нравственному состоянію всесторонняго недоумѣнія, потомъ,—къ отчаянной удали скептицизма, затѣмъ—къ удручающему гнету пессимизма и, наконецъ, къ духовному банкротству, въ родѣ того, какое переживаетъ нынѣшняя Европа «конца вѣка».

Реформація, вопреки мнѣнію г. Бобржинскаго, не могла дать Польшѣ внутреннихъ стимуловъ для подъема

духа, для совершенія подвиговъ, для моральнаго перерожданія. Реформація могла только помочь людямъ разсмотрѣть критически свой жизненный укладъ, разобраться въ своихъ правахъ, обогатиться опытнымъ знаніемъ, усовершенствовать технику жизни. Все это очень важно, но все это могло произойти у народа, которому есть чѣмъ жить, у котораго есть свои живые національные инстинкты и стимулы. Польская же нація уже утратила природныя движущія силы въ своемъ «вавилонскомъ плѣненіи», и реформація была безсильна дать ей эти силы. На первый взглядъ, дѣйствительно, кажется, будто реформація подняла въ Польшѣ температуру религіознаго чувства, но на самомъ дѣлѣ тутъ мы видимъ не теплоту чувства, а горячку спора, среди котораго мнѣнія обыкновенно переходятъ въ страсти, а инстинктъ борьбы разжигаетъ пламя.

Такимъ образомъ, реформація не оказала на Рѣчь Посполитую благаго вліянія; напротивъ, она произвела въ ней смуту, въ которой польскій умъ, какъ листъ, оторванный отъ корня, заметался изъ стороны въ сторону подъ дѣйствіемъ различныхъ дуновеній. Наглядным изображеніемъ положенія страны въ эпоху этой смуты можетъ служить біографія одного изъ даровитыхъ людей XVI в., Оржеховскаго. Побывавъ въ Виттенбергѣ, среди дѣятелей реформаціи, Оржеховскій поколебался въ католическомъ правовѣріи. Но, переѣхавъ затѣмъ въ Падую и Римъ, онъ сдѣлался священникомъ, получилъ благословеніе папы и впалъ въ католическій фанатизмъ. Однако, нѣсколько времени спустя, онъ охладѣлъ въ своихъ порывахъ и женился. Когда же его позвали на судъ епископовъ, то онъ тотчасъ отрекся отъ реформаторскихъ взглядовъ. Наконецъ, онъ принялъ рѣшительное намѣреніе и сбросилъ съ себя церковный санъ. Можно думать, что этимъ Оржеховскій навсегда покончилъ съ католицизмомъ. На самомъ же дѣлѣ весьма скоро онъ торжественно покаялся на соборѣ и вступилъ

въ горячую борьбу съ протестантизмомъ. Таковы были шатанія этого даровитаго гражданина Рѣчи Посполитой, таковы же были шатанія и его отечества въ смутную эпоху XVI вѣка. Но вотъ,—по остроумному выраженію Кондратовича-Сырокомли («Ист. польской литературы»),—изъ глубины этой смуты, съ благочестивой улыбкой на устахъ, появились іезуиты.

Польша, по свойствамъ ея національнаго характера, оказалась самой гостепріимной страной для ордена Лойолы. Съ перваго же появленія въ качествѣ защитниковъ католицизма, іезуиты снискали здѣсь всеобщее довѣріе и самое широкое вліяніе. Сильные міра, очарованные ихъ умомъ и благочестіемъ, наперерывъ другъ передъ другомъ оказывали имъ всякое содѣйствіе и помогали имъ въ открытіи коллегій; Ст. Баторій основалъ для нихъ Виленскую академію. Избирать іезуита въ духовники сдѣлалось модой въ высшемъ польскомъ обществѣ. Краковская академія привѣтствовала орденъ съ восторгомъ; многіе изъ профессоровъ спѣшили вступить въ него, чтобы принять участіе въ поддержаніи колеблющагося папскаго престола.

Страна сама протягивала шею подъ ярмо, и іезуиты не замедлили наложить его. Они завладѣли вельможами, богачами и женщинами. Они препарировали по своему вкусу общественное мнѣніе и политику страны, пользуясь для этого всякими народными слабостями, напитывая души, вмѣсто религіи, мистицизмомъ, фанатизируя сердца великолѣпіемъ обрядовъ, эффектами процессій и чтеніемъ безъ критики книгъ фантастическаго содержанія. Какъ ловкіе люди, іезуиты поспѣшили захватить въ свои руки важнѣйшій нервъ народнаго организма—школы. Подъ покровомъ усовершенствованныхъ педагогическихъ пріемовъ и широко составленныхъ программъ, они кроили и перекраивали по произволу юныя польскія поколѣнія. Латинскою грамматикою они замѣняли изученіе твореній древнихъ писателей; упражненіемъ памяти и искус-

ствомъ составлять риторическія фразы они замѣняли свободное развитіе ума и національнаго творчества; на мѣсто науки ставили эрудицію. Нравственнымъ воспитаніемъ у нихъ было разжиганіе шляхетскаго тщеславія, которое соединялось съ отсутствіемъ истиннаго человѣческаго достоинства и со склонностью унижаться предъ магнатами. Такимъ образомъ здѣсь совершалось страшное дѣло. По справедливости считается ужаснымъ преступленіемъ—отравленіе колодцевъ, къ которымъ спѣшатъ въ пустыняхъ изнемогающіе путники. Но здѣсь происходило нѣчто еще болѣе ужасное. Жажда просвѣщенія привлекала къ школамъ толпы дѣтей и юношей, а тутъ ожидалъ ихъ источникъ, куда коварный учитель заранѣе влилъ отраву фальсифицированнаго знанія и лукаваго нравственнаго внушенія. И вотъ, молодыя поколѣнія, охмѣлѣвъ отъ яда, становились игралищемъ чужихъ интересовъ, шли, какъ слѣпые, въ огонь и въ воду за чужое дѣло, а въ сторонѣ стояли отравители, издѣваясь, презирая и поощряя свои жертвы. Зрѣлище этой исторической дѣйствительности страшнѣе всякой театральной драмы.

Правда, отъ времени до времени, въ польской литературѣ слышался протестъ. Такъ напримѣръ, Янъ Кохановскій говорилъ, что иностранное воспитаніе причиняетъ много бѣдъ, что каждая республика живетъ своимъ духомъ, въ которомъ и нужно воспитывать дѣтей. Въ XVII вѣкѣ Бросціусъ написалъ обличеніе противъ іезуитовъ. Но іезуиты принимали свои мѣры противъ протестовъ. Сочиненіе Бросціуса было сожжено на площади въ Краковѣ, а типографа, напечатавшаго книгу, публично высѣкли розгами... Съ XVII столѣтія въ дѣло народнаго образованія вступилъ орденъ піаровъ, вызванный въ Польшу Владиславомъ IV. Хотя педагогія піаровъ была менѣе вредна, чѣмъ іезуитская, но сущность оставалась та же, оставался тотъ же латинизмъ для латинизма, то же казуистическое богословіе, та же лесть передъ вельможами. На всей странѣ продолжалъ лежать гнетъ

авторитета,—авторитета папы, короля, магнатовъ, избранныхъ писателей и чуземныхъ образцовъ. Буква царила въ церкви и школѣ. Духовную жизнь страны и ея творчество по-прежнему давило иго искусственности, заимствованій и подражательности. Крупные таланты съ трудомъ пробивались сквозь этотъ наносный слой, посредственности же охотно погрязали въ немъ. Какъ должно оцѣнивать общій уровень просвѣщенія общества, для котораго писались поэтическія произведенія на тему о разговорѣ Лота съ соляным столбомъ? Или что можно сказать объ авторѣ и читателяхъ огромной поэмы «Московскій Марсъ», гдѣ каждый стихъ начинался одною буквою титула Димитрія Самозванца, и гдѣ, такимъ образомъ, цѣлое сочиненіе составляло исполинскій акростихъ саженной номенклатуры собственныхъ именъ? Такихъ примѣровъ приводитъ много Кондратовичъ въ своей «Исторіи польской литературы». При Станиславѣ Понятовскомъ замѣчается обновленіе въ дѣлѣ народнаго образованія и литературнаго творчества; но это обновленіе шло не изъ лона народнаго духа, а сообщалось французскимъ вліяніемъ. Просвѣщенный король былъ страстный западникъ. Одинъ изъ современниковъ съ грустью описываетъ въ своихъ мемуарахъ, что Станиславъ-Августъ и короновался не въ польской одеждѣ, а въ какомъ-то костюмѣ, какъ-будто испанскомъ или театральномъ, возбуждавшемъ у людей серьезныхъ скорбный смѣхъ. Возрождавшаяся польская интеллигенція того времени герделиво мечтала стать въ уровень съ западной интеллигенціей, все же народное она обозначала презрительнымъ терминомъ—«сарматизмомъ».

V.

Пройдя очерченную выше многовѣковую школу, подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, и получивъ крещеніе въ купели западно-европейскихъ жизненныхъ порядковъ и идеаловъ, которые часто называются нелѣ-

пымъ именемъ «общечеловѣческихъ»,—польская нація получила кичливое мнѣніе о высотѣ своей культуры и презрѣніе къ предполагаемому «варварству» Россіи. Достойно удивленія и сожалѣнія, что эта мысль о совершенной обособленности отъ Россіи духовнаго строя Польши не чужда и русскимъ людямъ, даже такимъ писателямъ, какъ И. С. Аксаковъ, Погодинъ и др. «Въ Царствѣ Польскомъ мы въ Польшѣ, мы въ ней гости»,—писалъ Аксаковъ, правда, очень давно, когда еще недостаточно углубился въ «польскій вопросъ». «Наши историческіе пути,—продолжалъ онъ,—совершенно различны; тамъ католицизмъ,—у насъ православіе; тамъ аристократія и шляхетство,—у насъ народъ и земство. Дуэта съ Польшей мы пѣть еще не можемъ, и она только испортитъ намъ наше соло. Вогнать себѣ внутрь Польшу шляхетскую, католическую, раздраженную, враждебную,—значитъ отравиться Польшей». Такъ разсуждалъ почтенный писатель, возводя случайные и временные признаки явленія въ значеніе его органическихъ свойствъ. Погодинъ съ уваженіемъ преклонялся предъ упорствомъ поляковъ въ стремленіи къ политической отдѣльности, тогда какъ это упорство столь же печально, какъ и упорство, напримѣръ, какого-нибудь почтеннаго человѣка въ занятіи стихотворствомъ, къ которому у него нѣтъ природнаго расположенія. Г-нъ Спасовичъ (соч. «Маркизъ Велепольскій») называетъ соединеніе Россіи и Польши «неравнымъ бракомъ между двумя народностями, имѣвшими безконечно различныя формулы развитія: обѣ особы въ этой четѣ не сходятся темпераментами, настроены всегда различно; когда одна на веселье,—другая на печаль, одна на раздраженіе,—другая на спокойствіе, одна на порывъ,—другая на терпѣніе, и наоборотъ».

Исходя изъ такихъ положеній, нѣкоторые писатели въ 60-хъ годахъ совѣтовали отдѣлить совершенно Польшу и отказаться отъ нея. «Если она не хочетъ соединенія съ Россіей,—писалъ Аксаковъ,—то да накажется она

всѣми ужасами анархіи, предоставленная сама себѣ». Нѣсколько иначе, но въ томъ же смыслѣ говорилъ Погодинъ: «Прекрасный, братскій даръ, достойный добраго и легкаго русскаго сердца, не помнящаго зла,—свободу дадимъ мы полякамъ за ихъ слѣпую къ намъ вражду». «Прекраснаго слова!» замѣчаетъ по поводу этой фразы г. Пыпинъ. На самомъ же дѣлѣ, приведенный совѣтъ и невѣренъ, и жестокъ. Если мы даже признаемъ высоту и значительную особенность польскаго нравственнаго міра, то и тогда совѣтъ отказаться отъ Польши, «дабы не отравиться ею», будетъ столь же нецѣлесообразенъ, какъ совѣтъ, данный недавно однимъ писателемъ русской интеллигенціи: оставить народъ, чтобы не мѣшать цѣлостности его міросозерцанія. Съ другой стороны, предоставить Польшу на жертву ея испытанной политической слабости—значитъ бросить ее въ море германизма и осудить на исчезновеніе съ лица земли. Но эта нація намъ родна и дорога. Что бы сказали о томъ семействѣ, которое избавилось бы отъ неспокойнаго члена столь легкимъ способомъ, прогнавъ его за дверь? Едва-ли заслуживала бы похвалъ семья, которая сказала бы своему, хотя бы самому капризному и своенравному члену: «Ты не хочешь жить съ нами въ мирѣ и согласіи,—тогда иди на всѣ четыре стороны, и да накажешься ты всѣми бѣдами сиротства».

Мнѣніе о коренной розни между русскими и поляками вытекаетъ изъ односторонняго принятія во вниманіе ихъ внѣшнихъ культурныхъ различій и бывшей между ними долгое время вражды. Но культурныя особенности составляютъ, какъ мы видѣли, наносный слой европейскаго вліянія, точно такъ же, какъ и враждебность Польши къ Россіи есть затвердѣвшее безсознательное слѣдованіе внушеніямъ Запада. Въ такомъ смыслѣ понималъ дѣло Ю. Самаринъ, говоря: «польская вражда, это—острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую середину славянства съ цѣлью раскроить его въ щепы». Если вглядѣться пристальнѣе въ факты, то окажется, что въ Польшѣ, несмотря на

многовѣковое порабощеніе ея Европой, все же постоянно билась и бьется славянская струя, вопреки всему пробѣгающая въ ея исторіи и въ ея литературѣ. Не взирая на всякаго рода отличія и особенности, мы можемъ рѣшительно сказать, что Польша несравненно ближе по духу къ Россіи, чѣмъ къ Европѣ. Это доказывается уже тѣмъ, что Западъ всегда оставался холоденъ къ своему вѣрному слугѣ и никогда не понималъ его. Пользуясь услугами Польши, Западъ платилъ ей фразами, а чаще—равнодушіемъ, коварствомъ и предательствомъ. Беря у поляковъ и кровь и душу, Западъ одѣвалъ ихъ въ лохмотья своего милосердія. Стоитъ вспомнить отзывы иностранцевъ всѣхъ временъ о Польшѣ чтобы ясно понять что между внутреннимъ міромъ западнымъ и польскимъ лежитъ глубокая бездна. Сколько жестокости, непониманія и кровной вражды звучитъ во всѣхъ этихъ отзывахъ! Одинъ французъ XVI вѣка, побывавъ въ Польшѣ, отблагодарилъ за гостепріимство стихами: «Прощай, Польша, твой климатъ и твои нравы до того мнѣ не понравились, что развѣ судьба проклянетъ меня, если я возвращусь къ тебѣ когда-нибудь. Народъ варварскій и непостоянный, болтливый и самохвальный, только одно убожество защищаетъ тебя» и т. д. Одинъ изъ папскихъ нунціевъ XVIII ст. назвалъ Польшу: «la traviata et imbecile natione». Морицъ Саксонскій бросилъ по адресу поляковъ лаконическую фразу: «demicoquin въ Германіи будетъ въ Польшѣ честнымъ человѣкомъ». Dalrymple, англійскій посолъ въ Польшѣ, говорилъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ совсѣмъ отставку отъ службы, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь дипломатическую должность. Даже турецкій визирь иронизировалъ со своими пашами: «Знаете ли вы, что такое польская вольность? Не признавать надъ собою никакого закона». Дюмурье, французскій республиканскій генералъ, присланный на помощь Польшѣ, называлъ ее—«la nation asiatique de l'Europe». Историки того народа, къ которому особен-

но льнуло сердце поляковъ, обнаруживаютъ странную забывчивость по отношенію къ услугамъ, оказаннымъ Полыпею. Тьеръ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія о революціи замѣчаетъ о полякахъ: «Il était difficile de reconstituer un peuple dontl' ésprit anarchique était aussi rénommé que la bravoure». Тутъ же польскаго героя Костюшко онъ называетъ—«un sot, ayant une fausse direction d'ésprit et voulant prescrire à Napoléon des conditions intempestives». Ламартинъ, въ «Исторіи революціи», называетъ поляковъ: «Ces polonais, véritables mameluks du Nord», а въ другихъ мѣстахъ замѣчаетъ: «Ces polonais, race nomade, turbulente et servile. Les hommes de cette nation adoraient dans Napoléon le dieux de la guerre et fomentaient dans les corps le trouble, qui est leur génie natal... On les trouve mêlés depuis (послѣ раздѣла) à tous les tumultes de nos révolutions. Ils ont pour patrie la révolution». Бисмаркъ не разъ отзывался о полякахъ, какъ объ ужасно скучныхъ какихъ-то лунатикахъ, которыхъ Künstliches Traumleben раздражаетъ его нервы. Въ этихъ мнѣніяхъ, кромѣ злобы, лежитъ цѣлая бездна непониманія и незаслуженнаго пренебреженія. Такимъ языкомъ не говорятъ о другѣ, о товарищѣ, о сотрудникѣ, даже о лицѣ, общеніе съ которымъ цѣнятъ.

Едва-ли нужно доказывать, что отношеніе русскихъ къ Полыпѣ было и есть совершенно иное. Даже въ пылу военныхъ столкновеній у насъ не переставало теплиться сознаніе, формулированное Императоромъ Николаемъ I: «все же они—братья». Никогда русское сердце не оставалось равнодушнымъ къ бѣдѣ ноляковъ. Принятыя Пруссіей не такъ давно грубыя мѣры въ Познани отозвались въ насъ ощущеніемъ какъ бы личной обиды. Голоданія и бѣдствія Галиціи, нашедшей себѣ въ политическихъ меблированныхъ комнатахъ Австріи не семейный пріютъ, а свободу «квартиранта», не перестаютъ удручать нашу душу чисто личнымъ огорченіемъ. Талантливые люди Польши всегда находили и находятъ у насъ

пониманіе и радостную оцѣнку. Четыре года, проведенные Мицкевичемъ въ Москвѣ и Петербургѣ, были переполнены сочувствіемъ общества, уваженіемъ и искренней симпатіей къ поэту. Сочиненія Крашевскаго почти всѣ переведены на русскій языкъ; въ ряду зрителей, любующихся картинами Семирадскаго, мы занимаемъ первыя мѣста; произведенія г-жи Оржешко постоянно печатаются въ русскихъ журналахъ; романы г. Сенкевича принадлежатъ къ числу нашихъ любимыхъ книгъ. И это вполнѣ естественно, потому что все въ этихъ произведеніяхъ намъ близко и понятно: и темы, и характеры, и отношенія къ вещамъ, и душевные запросы. Если въ нихъ встрѣчается что-нибудь и недосказанное, то мы дополняемъ сами, какъ это бываетъ между членами семьи, гдѣ мысль одного понимается безъ словъ другими. Можно было бы представить длинный рядъ образцовъ совпаденія мысли польской и русской. Напр., польская идея мессіанизма, мечта объ особомъ предназначеніи польскаго народа, поражаетъ сходствомъ съ мечтою нашихъ старыхъ славянофиловъ. «Паломники» Мицкевича, стремящіеся въ обѣтованную землю всемірной правды, приходятся несомнѣнно роднымп братьями «всечеловѣку» Достоевскаго. Много русскихъ людей подписалось бы охотно подъ письмомъ Мицкевича къ Лелевелю: «Можетъ быть, нашъ народъ привыкъ проповѣдывать людямъ евангеліе національности, нравственности, религіи и презрѣнія къ бюджетамъ—единственному основанію современной европейской, воистину мытарекой политики». Послѣ 1863 года поляковъ охватила страсть безпощадной критики къ самимъ себѣ, и эта страсть самобичеванія, опять же, вполнѣ совпадаетъ съ обличительнымъ духомъ нашихъ 60-хъ годовъ, съ настроеніемъ эпохи, среди которой Базаровъ объявлялъ во всеуслышаніе: «русскій человѣкъ тѣмъ только и хорошъ, что самъ о себѣ прескверпаго мнѣнія». Такихъ примѣровъ духовнаго родства нетрудно перечислить множество.

Даже въ укладѣ польской общественности, объ отличіи которой отъ русской такъ часто говорится, гораздо болѣе сродства съ нами, чѣмъ съ Западной Европой. Западъ строитъ свою жизнь на утилитарномъ разсчетѣ и на вѣрѣ въ учрежденія («по-мытарски», сказалъ бы Мицкевичъ). Онъ хочетъ организовать свое общежитіе какъ механизмъ, составленный по тщательно обдуманному плану, съ ловко пригнанными другъ къ другу частями, со всякими предосторожностями, гарантирующими правильность движенія машины. Западный европеецъ подвигается впередъ по пути прогресса, какъ осторожный инженеръ, который ведетъ туннель, закрѣпляя каждый шагъ системой подпорокъ и всякихъ скрѣпъ. Рѣчь Посполитая, ученица Запада, старалась копировать пріемы своего учителя. Ея граждане вѣчно хлопотали объ организаціи учрежденій и ревностно играли роль холодныхъ дѣльцовъ или стойкихъ законниковъ. Почтенные члены сеймовъ и сеймиковъ постоянно принимали позы, которыми желали всякому внушить благоговѣйную мысль, что они европейцы, даже древніе римляне. Но все это была лишь именно игра и поза. За всей этой «римской» гражданственностью свѣтилось славянское добродушіе, лѣнивая небрежность къ внѣшнимъ механическимъ подпоркамъ и инстинктивная вѣра въ силу внутреннихъ, этическихъ устоевъ жизни. «Нашими гражданами—справедливо писалъ Михаловскій («Записки XVIII вѣка»),—больше управляетъ совѣсть, нежели законы». На сеймахъ и сеймикахъ, за внѣшней дѣловитостью, просвѣчивала ясно веселая безпечность, и наиболѣе яркими дѣятелями здѣсь несомнѣнно были люди, которые могли сказать о себѣ то же, что говоритъ герой повѣсти Игн. Ходзько («Дневникъ Бернардина»): «Полосовалъ я, полосовали и меня!» Шляхта разъѣзжалась съ собраній, какъ съ пріятнаго праздника, неохотно возвращаясь отъ сабли и меда къ сокѣ и домашнему обѣду. Въ Рѣчи Посполитой часто повторялась фраза, произносимая съ веселымъ

видомъ: «Польша стоитъ безпорядкомъ». Иностранцы находили страннымъ такой афоризмъ и презрительно пожимали плечами. Но мы понимаемъ, въ чемъ здѣсь дѣло, потому что намъ самимъ случалось жить въ условіяхъ внѣшняго безпорядья, замѣняя наружныя, желѣзныя скобки общежитія внутренними скрѣпами. Соотвѣтственно нашимъ родственнымъ чувствамъ, есть такое же чувство и у поляковъ. Скрываемое на днѣ души и гонимое, оно все же иногда прорывается наружу, какъ, напр., въ словахъ приведенныхъ выше Записокъ: «Въ земляхъ русскихъ и въ ихъ жителяхъ есть что-то привлекательное, чему полякъ невольно поддается». Инстинктъ родства усыпленъ подъ плотнымъ слоемъ хроническихъ недоразумѣній, капризныхъ раздраженій и горечи обидъ, въ сущности—совершенно мнимыхъ; но въ концѣ концовъ инстинктъ проснется и принесетъ свой плодъ. Конечно, для единенія націй не достаточно одного толчка инстинкта или чувства: «національныя распри,—говоритъ г. Спасовичъ,—не рѣшаются порывомъ броситься другъ другу на шею». Но пробудившееся чувство, въ соединеніи съ пробудившимся трезвымъ сознаніемъ, представляетъ собою несокрушимую силу. И эта сила явится, потому что вѣковыя узы, лежавшія на ней, осуждены на разрушеніе. Вѣковыя вериги, обременявшія польскій духъ, заключаются, какъ мы видѣли, въ католическомъ фанатизмѣ и въ порабощеніи Польши Западной Европой. Но эти вериги явно изветшали и несомнѣнно должны распасться. Что бы ни говорили намъ о силѣ клерикальной партіи въ современномъ польскомъ обществѣ, насъ не убѣдятъ въ жизнеспособности этой тѣни прошедшаго. Польскій клерикализмъ и теперь, какъ столѣтія тому назадъ, получаетъ mots d'ordre изъ Рима, но нынѣшній Римъ—уже не прежній. У современнаго Рима отъ стараго могущества остались только старыя притязанія. Онъ изыскиваетъ въ жизни европейскихъ народовъ нити, за которыя можно было бы удержаться. Онъ льнетъ къ

возродившемуся въ «концѣ вѣка» мистицизму, хотя въ этомъ послѣднемъ гораздо меньше христіанскихъ элементовъ, чѣмъ языческихъ фантасмагорій и психопатическихъ экстазовъ; онъ предлагаетъ свой союзъ соціалистамъ, приспособляя къ тезисамъ ихъ вѣры свой катехизисъ. Нынѣшній Римъ ищетъ въ окружающемъ мірѣ помощи и лозунговъ, вмѣсто того, чтобы самому, какъ было нѣкогда, диктовать этому міру свои непогрѣшимые законы.

Служа такому ослабѣвшему господину, польскій клерикализмъ на мѣстѣ дѣйствія опирается, главнымъ образомъ, на предразсудки и невѣжество массъ. Но эти опоры, по самой сущности своей, непрочны; ихъ жизнеспособность стоитъ въ обратномъ соотношеніи съ ростомъ умственнаго и моральнаго развитія народа. Въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ, въ борьбѣ съ этимъ врагомъ, которому время можетъ только прибавлять силы, не поможетъ никакая іезуитская ловкость, никакой испытанный вѣковѣчный закалъ политической интриги. При этомъ справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе люди польскаго клира обнаруживаютъ рѣшимость забыть многое изъ стараго и научиться новому; такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, читая историческія сочиненія Калинки и др.

Вторая причина отчужденія Польши,—раболѣпное преклоненіе предъ Западной Европой,—также не долговѣчна. Если прежде поляки видѣли по ту сторону западной границы одни совершенства, то теперь они переходятъ на точку зрѣнія, съ которой возможна критика. Современный образованный полякъ не можетъ не видѣть, что Европа «конца вѣка» сама разочаровалась въ себѣ, что она отравлена скептицизмомъ, тоскуетъ въ пессимизмѣ и переживаетъ тяжкій кризисъ. Этотъ фактъ оцѣненъ и понятъ интеллигенціей Польши, о чемъ свидѣтельствуетъ новѣйшая литература, и прежде всего—прекрасный романъ г. Сенкевича «Безъ догмата». Здѣсь передъ нами исповѣдь просвѣщеннаго поляка, воспринявшаго въ себя

всю суть европейской цивилизаціи и производящаго счетъ наличности своихъ духовныхъ капиталовъ. За мрачными цифрами итога, тутъ ясно выдвигается грозный призракъ моральнаго банкротства. Если изъ всего произведенія г. Сенкевича сдѣлать сжатый экстрактъ, то вотъ къ чему сведется исповѣдь его героя: «европейская цивилизація,—говоритъ Леонъ Плошовскій,—проникла меня до такой степени, что я отношусь скептически не только къ самому себѣ, но и къ своему скептицизму, и не знаю, не знаю... и мучаюсь, и шалѣю въ этой тьмѣ. Я человѣкъ, висящій въ воздухѣ и не опирающійся ни на какіе догматы. У меня нѣтъ цѣли, которой я могъ бы посвятить свою жизнь. У меня есть способности, но онѣ ни къ чему не служатъ; я геній безъ портфеля—это нашъ чисто привислинскій плодъ (взращенный—можно прибавить—на почвѣ рабскихъ подражаній). Только самый глупый изъ насъ вѣритъ еще въ разумность существованія подобныхъ геніевъ. По временамъ у меня является предчувствіе какой-то ужасной опасности, угрожающей нашей культурѣ. Я сомнѣваюсь, можно ли жить пережитыми формами жизни. Что будетъ дальше? Вѣрнѣе всего что на огромномъ пустомъ листѣ нашего существованія дьяволъ будетъ писать сонеты своей возлюбленной... Я, крестный сынъ заграницы, я, какъ дитя больной цивилизаціи, выросъ криво. Что мнѣ дѣлать? Всякій горбунъ радъ избавиться отъ своего горба, но не можетъ, ибо былъ горбатымъ уже въ утробѣ матери. Мои горбы образовались въ ненормальномъ лонѣ меркнущей цивилизаціи».

Таковы богатства, съ которыми вернулась Польша изъ своихъ многовѣковыхъ странствій по стопамъ европейскаго Запада. Горькіе итоги, такъ талантливо изображенные г. Сенкевичемъ, убиваютъ старыя иллюзіи и заставляютъ искать новой дороги. Современный просвѣщенный полякъ слышитъ голосъ исторіи, которая, разочаровавшись въ прежнихъ своихъ любимцахъ, обращается

къ новымъ народамъ, говоря: «Вы долго жили подъ чужой командой, вы долго повторяли слово за словомъ чужіе символы вѣры,—попытайтесь же стать на свои ноги, попробуйте сказать свое собственное слово. Объявите и раскройте, наконецъ, свои племенныя дарованія или признайте себя навсегда неспособными привлекать мое вниманіе». Надо думать, что благородная гордость побудитъ польскую націю отозваться на этотъ кличъ исторіи, вмѣсто того, чтобы по-прежнему считать высшимъ удовлетвореніемъ самолюбія благосклонную улыбку «крестнаго отца». Польская отрасль славянства тѣсно перевьется съ русскою въ искреннемъ союзѣ, въ которомъ дѣло будетъ заключаться не въ «обрусеніи» и «ополяченіи», а въ образованіи изъ родственной группы милліоновъ людей новаго честнаго дѣятеля на міровой сценѣ.

Исчезновеніе старыхъ предразсудковъ откроетъ путь для правильнаго пониманія вещей и для трезваго самопознанія. Польская нація перестанетъ драматизировать свое положеніе. Она уяснитъ себѣ, что не было никакихъ историческихъ «преступленій», мысль о которыхъ такъ долго отзывалась въ ней болью обиды, а была лишь историческая логика, хладнокровно выводящая заключенія изъ данныхъ посылокъ. Она пойметъ, что русско-польскія отношенія вовсе не трагическій вопросъ—«быть или не быть», ибо русскіе интересы не заключаются въ томъ, чтобы не было на свѣтѣ поляковъ, точно также и интересъ поляковъ не въ небытіи и даже не въ слабости Россіи. Когда исчезнутъ призраки, порожденные игрой взволнованныхъ страстей, тогда польская нація пріобрѣтетъ солидность въ убѣжденіяхъ и въ способѣ дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и та по-истинѣ ребяческая придирчивость, съ которою она относится ко всему русскому.

Наглядныхъ примѣровъ такой придирчивости можетъ служить упомянутая книга гр. Леливы. Перерывая наши законы, графъ указываетъ на разницу ихъ отношенія

къ русскимъ подданнымъ вообще и къ «русскимъ подданнымъ польской національности». Рядъ встрѣчающихся въ этомъ смыслѣ «противорѣчій» возмущаетъ его. Основные законы,—восклицаетъ графъ,—постановляютъ, что различія лицъ по племени и вѣроисповѣданію нисколько не препятствуютъ опредѣленію въ государственную службу, а «подданные польской національности» стѣснены даже въ поступленіи на службу по западнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, по телеграфу, по мѣстамъ, завѣдующимъ перевозкой войскъ и т. д. Гр. Лелива не понимаетъ такого печальнаго порядка вещей «на рубежѣ XX вѣка», но еслибы онъ перевернулъ страницу въ своей книгѣ, то нашелъ бы собственное заявленіе, что русскіе люди въ Царствѣ Польскомъ составляютъ «элементъ пришлый и чуждый». Значитъ, «русскіе подданные польской націи» отличаются отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что считаютъ этихъ послѣднихъ «чуждыми» себѣ. Одного этого основанія вполнѣ достаточно, чтобы понять всѣ мнимыя противорѣчія русскихъ законовъ. Можетъ ли государство не отличать людей, которымъ угодно самимъ отличать себя отъ другихъ? Можетъ ли государство спокойно поручать, напр., дѣло своей военной организаціи «чуждымъ» людямъ? Гр. Лелива возражаетъ противъ обобщеній, потому что есть поляки, расположенные къ Россіи, и есть русскіе—плохіе граждане. Но всякая сила дѣйствуетъ свойственными ей средствами: государство дѣйствуетъ законами и распоряженіями, которые могутъ имѣть въ виду только «типичные», а не индивидуальные факты жизни. Если бы можно было отвергать законы или юридическія нормы подъ тѣмъ предлогомъ, что они не охватываютъ собою всѣхъ индивидуальныхъ свойствъ дѣйствительности, тогда не уцѣлѣло бы ни одной статьи ни въ одномъ кодексѣ всего міра. Справедливое отношеніе къ разницѣ правъ подданныхъ должно вызывать во всѣхъ элементахъ населенія государства искреннее сѣтованіе на указанное гр. Леливой и въ существѣ своемъ — безсмысленное

«отчужденіе», съ паденіемъ котораго тотчасъ же, безъ сомнѣнія, отпали бы и всѣ различія въ правахъ. Но польская придирчивость все еще предпочитаетъ путь нелѣпыхъ, несправедливыхъ и всесторонне вредныхъ раздраженій.

Любимой темой польской критики служитъ собираніе и нанизываніе фактовъ злоупотребленія и ошибокъ русскихъ чиновниковъ. Комментируя на всѣ лады явленія подобнаго рода, дѣйствительныя или мнимыя, эта критика впадаетъ въ пафосъ и заявляетъ: «Такова Россія! Возможно ли общеніе съ нею! Можетъ ли сліяніе съ нею обезпечивать сохраненіе и ростъ культуры!» и т. д. Но развѣ встрѣчающіеся иногда плохіе чиновники—Россія? Нужно проникнуться насквозь ребяческою придирчивостью, нужно не имѣть ни капли справедливости, чтобы не видѣть, что печальныя явленія упомянутаго рода, когда они случаются на самомъ дѣлѣ, представляютъ собою не выраженіе интересовъ, цѣлей и идеаловъ Россіи, а истинное горе ея. Если бы поляки замѣнили свой надоѣвшій, жалкій романтизмъ дѣловитымъ отношеніемъ къ жизни, то они познакомились бы съ исторіей Россіи, а она объяснила бы имъ, что случавшіеся у насъ воеводы съ неправымъ «кормленіемъ», опричники съ своеволіемъ, Сквозники-Дмухановскіе съ именинами «на Антона и на Онуфрія», герои Щедрина съ «идеями» квіетисты, спящіе подъ сѣнью нерадѣнія, ловкіе «геніи» къ сожалѣнію, «съ портфелями»,—составляли всегда лишь мутную пѣну на океанѣ русской жизни. Если бы поляки, вмѣсто скучныхъ капризовъ, гримасъ и безцѣльнаго фрондированія, изучили исторію русской литературы, то они бы узнали, что на всемъ протяженіи ея, а особенно въ произведеніяхъ Гоголя и Грибоѣдова, русская мысль не оставалась равнодушною къ недостаткамъ отечественной жизни, а русское сердце сильно болѣло ими; они бы узнали русскую сатиру, въ которой гораздо больше горечи и слезъ, чѣмъ смѣха. Нельзя не прибавить къ

сказанному, что огульныя придирки и несправедливыя раздраженія, часто владѣющія польскими сердцами, только мѣшаютъ государству блюсти чистоту своихъ функцій, ибо создаютъ смуту тревогъ, опасеній и волненій, среди которыхъ легко скользитъ и прячется червь злоупотребленія.

Къ числу польскихъ капризовъ, которымъ суждено исчезнуть, принадлежитъ и «филологическій» капризъ: аффектированная и жеманная боязнь русскаго языка. Едва-ли нужно обладать исключительнымъ глубокомысліемъ, для пониманія указанной еще И. С. Аксаковымъ простой истины, что знаніе русскаго языка даетъ полякамъ крупныя выгоды, что это знаніе расширяетъ ихъ умственный горизонтъ, открываетъ имъ цѣлый новый родственный громадный міръ и выводитъ національную исключительность на широкій просторъ общеплеменнаго общенія. Польская литература, конечно, не потерпѣла бы ущерба, придя въ непосредственное соприкосновеніе со стомилліонной страной и получивъ способность понимать завѣтныя думы, планы и идеалы этой страны. Само собою разумѣется, что въ вытѣсненіи польскаго языка, напримѣръ, нѣмецкимъ заключается дѣйствительная опасность, ибо здѣсь идетъ дѣло о подавленіи славянскаго духа германизмомъ. Но чему угрожаетъ русскій языкъ, столь близкій и родственный польскому? Въ чемъ его опасность и о какомъ духовномъ угнетеніи тутъ можетъ идти рѣчь? Для проявленія польской щепетильности бывали неизмѣримо большіе предлоги, но тогда она молчала. Бывали истинныя причины тревожиться о сохраненіи племеннаго нравственнаго бытія, но тогда Полыпа сама протягивала безпечно свою шею подъ дѣйствительно чужое, настоящее, а не мнимое ярмо. Вотъ что говоритъ писатель XVIII в. Езерскій: «Свой родной языкъ мы употребляемъ только въ домашнемъ обиходѣ, никогда не давая ему мѣста въ жизни общественной, и поэтому у насъ были: канцеляріи латинскія,

военная команда нѣмецкая, театры французскіе или итальянскіе. Такимъ образомъ, полякъ по-латыни судился, на сорочьемъ языкѣ совѣщался, по-французски и итальянски увеселялся».

Когда природная даровитость польскаго ума побѣдитъ одолѣвающія его фантазіи, тогда прекратятся жалобы поляковъ на тяжесть нынѣшняго сожитія ихъ съ русскими. Безъ сомнѣнія, современный modus vivendi не легокъ, но нужно же видѣть и понимать его причины. Можетъ ли быть легкой жизненная атмосфера семьи, гдѣ есть больной или гдѣ есть домочадцы, которымъ чужое, вражеское, лукавое внушеніе сообщило упорное недовольство домомъ, выражающееся въ непріятномъ «дутьѣ», въ постоянныхъ капризахъ и готовности на ссору? Домъ, не желающій распасться, долженъ все-таки дѣлать свое дѣло, домостроительство продолжаетъ неуклонно идти своимъ путемъ, хотя, вслѣдствіе внутренняго разлада, отношенія здѣсь натянуты, взаимно осторожны и «политичны». И все это продолжается до выясненія фальшивыхъ причинъ размолвки и до изгнанія демоновъ искусителей; тогда семья вступаетъ въ нормальную жизнь, въ ней слышатся смѣлые голоса, довѣрчивыя рѣчи, веселый гомонъ общей дружной работы. Польскія сѣтованія на скупость Россіи по части реформъ для Привислинскаго края составляютъ по-истинѣ игру, разновидность той безконечной игры, которою испорчено все тысячелѣтіе исторіи Польши. И въ самомъ дѣлѣ, сохраняя хотя немного политической серьезности, можно ли претендовать на широкія реформы среди людей, въ каждомъ словѣ которыхъ сквозитъ хитрость, а въ каждомъ шагѣ—«политическій ходъ»? Возможна ли прогрессивная смѣлость тамъ, гдѣ довольно малѣйшаго недосмотра, чтобы появились въ школахъ географическія карты Польши «отъ моря до моря», гдѣ политическіе мудрецы проектируютъ русско-польскій дуализмъ въ арлекинскомъ костюмѣ Австро-Венгріи, и гдѣ невинное

экономическое общество 57 года или гимнастическія общества современной Галиціи, тотчасъ по возникновеніи, обращаются въ тайный клубокъ политическихъ страстей и фантазій, отравляющихъ нормальное теченіе жизни и грозящихъ вспышками безцѣльныхъ, всесторонне вредныхъ столкновеній? Не надо быть геніальнымъ политикомъ для пониманія того, что государство—не отель для пріѣзжающихъ, гдѣ всякій входитъ и выходитъ, живетъ и дѣйствуетъ, какъ хочетъ. Государство скорѣе,—лабораторія, гдѣ царствуетъ стройный порядокъ, правильное распредѣленіе ролей и благоговѣйное сотрудничество всѣхъ участниковъ въ общемъ дѣлѣ. Говоримъ: «благоговѣйное сотрудничество», потому что эта лабораторія имѣетъ высокое значеніе,—въ ней вырабатываются умственныя, нравственныя и политическія цѣнности, которыми народъ долженъ доказать, достоинъ ли онъ почетнаго мѣста въ исторіи или не достоинъ. Рѣчь Посполитая не понимала этого, но Россія не для того собирала свое государство, принося несчетныя жертвы и являя подвиги терпѣнія, чтобы, послѣ тысячелѣтнихъ славныхъ трудовъ своихъ, начать прислушиваться къ лепету польскихъ, своихъ и иныхъ политическихъ младенцевъ или къ нашептыванію какихъ-либо лукавыхъ Мефистофелей.

Русское государство будетъ стойко дѣлать свое дѣло домостроительства и поддерживать крѣпкими руками храмину единственной сильной славянской страны. Внутри же храмины должна совершаться неустанная работа умиротворенія, обмѣна мыслей и чувствъ, устраненія старыхъ недоразумѣній и сообщенія родственнымъ отношеніямъ истинно семейной теплоты. Въ этомъ дѣлѣ русскому обществу нужно проявить наивозможно ярче свою нравственную личность; нужно показать, что оно, за внѣшней оболочкой вялой апатичности, сохраняетъ способность тонкаго пониманія, сильнаго чувства и крѣпкой воли; что оно съ сознаніемъ собственнаго достоинства соединяетъ должную дозу скромности; что оно можетъ быть

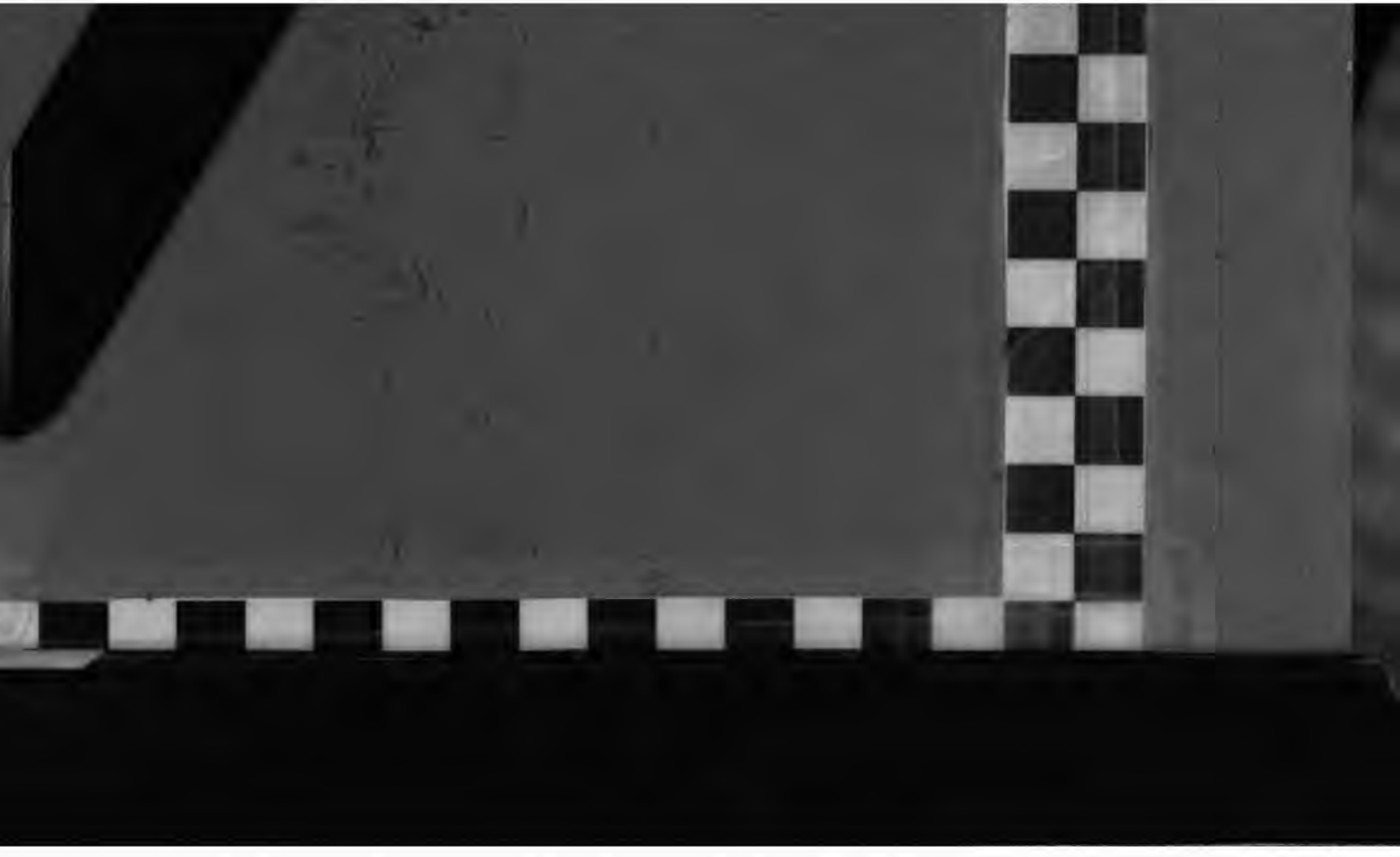
не только грознымъ врагомъ, но и надежнымъ другомъ; что оно, хотя и смотритъ иногда молча на людей и на факты, но имѣетъ твердые моральные критеріи и завѣтные идеалы, озаряющіе яркими лучами манящую даль будущаго. Русскому обществу въ этомъ дѣлѣ необходимо отрѣшиться отъ нѣсколько присущей ему привычки возлагать все на государство, а самому занимать положеніе, охарактеризованное И. С. Аксаковымъ словами, которыя народная пословица влагаетъ въ уста жены относительно мужа: «завалюсь за него, не боюсь никого».

Литература должна вызвать къ дѣйствію творческія силы всѣхъ элементовъ населенія страны и изъ корней племенныхъ эстетическихъ и моральныхъ инстинктовъ выростить цвѣты и плоды. Въ горячей, искренней и дружной работѣ, литература должна истребить фальшивыя и узкія представленія, будто коренная сущность «польскаго духа» состоитъ въ аффектированной интигѣ, а сущность «русскаго духа»,—какъ это кажется графу Леливѣ,—въ одной лишь политической дисциплинѣ. Къ разнотоннымъ огнямъ литературы наука присоединитъ свой ровный, яркій, бѣлый свѣтъ. Наука дастъ правильное пониманіе міра, среди котораго живетъ человѣчество, и общества, среди котораго живетъ человѣкъ; наука научитъ правильнымъ методамъ мышленія, истинному пониманію прошедшаго и настоящаго, и прекратитъ возможность историческихъ ошибокъ, въ родѣ страннаго мнѣнія гр. Леливы, будто рознь между польскимъ и русскимъ населеніемъ Рѣчи Посполитой началась изъ-за польскихъ королей, при чемъ шляхта защищала аристократическій режимъ, а казаки будтобы поднялись за расширеніе власти польскихъ монарховъ... Въ дѣлѣ научнаго просвѣщенія нашихъ западныхъ окраинъ первое мѣсто принадлежитъ Варшавскому университету, замѣнившему собою Главную школу 1862 г., Медико-Хирургическую академію 1857 г. и Царскій университетъ Александра I-го 1818 года. Это, поистинѣ, счастливое

учрежденіе. Это не административный, полицейскій или судебный постъ, на которомъ лежитъ бремя тяжелой работы блюсти своды политическаго зданія, предупреждать и пресѣкать проявленія человѣческаго неразумія, судить проступки и преступленія. Единственный долгъ университета, какъ римскаго храма Весты, хранить неугасимо огонь знанія, истины и правды. Какъ на авангардѣ арміи лежитъ почетный долгъ первому показать доблесть народа подъ священнымъ знаменемъ отечества, такъ и на названномъ университетѣ лежитъ священная обязанность первому принимать вызовы Запада и отвѣчать на нихъ въ великой культурной борьбѣ, которая представляетъ собою не одно лишь столкновеніе внѣшнихъ силъ народовъ, а ихъ благородное соперничество богатствомъ духовныхъ дарованій и высотою нравственныхъ качествъ и идеаловъ.

3 2044 011 829 470

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
CANCELLED
MAR 23 1992
BOOK DUE

WIDENER
NOV 13 1995
OCT
BOOK DUE
CANCELLED